

Оглавление

Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве.....	1
Возбуждение дела о банкротстве.	6
Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве.	10
Оспаривание сделок должника.....	13
Субсидиарная ответственность и убытки.....	32
Залог и поручительство в банкротстве.	39
Торги.....	46
Банкротство гражданина.....	48
Прочие вопросы.....	54

Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 11.03.2021 № 306-ЭС20-16785 \(1, 2\)](#)

Институт пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам является чрезвычайным средством возобновления производства по делу и необходим для того, чтобы прекратить существование объективно ошибочных судебных актов в ситуации, когда об обстоятельствах, позволяющих сделать вывод о допущенной ошибке, стало известно после вынесения этих судебных актов. Ограничение применения данного института вытекает из необходимости соблюдения принципа правовой определенности, в том числе признания законной силы судебных решений, их неопровержимости.

Противоречивое и непоследовательное поведение стороны сделки, выраженное в предоставлении взаимоисключающих друг друга позиций в рамках споров, вытекающих из одной и той же сделки, преследующее исключительно собственную выгоду в каждом конкретном деле, свидетельствует о его недобросовестности и является основанием для пересмотра первого судебного акта, так как процессуальные оппоненты такого лица приобретают возможность ревизии результатов первого дела, и недобросовестное лицо не имеет права возражать против процедуры пересмотра со ссылкой на принцип правовой определенности, поскольку действовало недобросовестно, утаив от суда ключевые доказательства.

Определением от 05.07.2018 по настоящему делу отказано в удовлетворении заявлений конкурсного управляющего должником и банка о признании недействительным соглашения от 03.04.2017 о расторжении договора купли-продажи ценных бумаг от 06.10.2015, заключенного между должником и обществом.

Конкурсный управляющий должником обратился в арбитражный суд с заявлением о пересмотре определения от 05.07.2018 по вновь открывшимся обстоятельствам.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления о пересмотре определения от 05.07.2018 по вновь открывшимся обстоятельствам отказано.

06.10.2015 между должником (продавцом) и обществом (покупателем) заключен договор купли-продажи ценных бумаг, по условиям которого должник обязался передать обществу ценные бумаги (обыкновенные именные акции) ПАО «ИнтехБанк» в количестве 199 200 000 штук по цене 193 000 000 руб. Ответчик обязался оплатить ценные бумаги не позднее 06.10.2018. Однако оплата не была произведена.

Приказом Банка России от 03.03.2017 у эмитента акций ПАО «ИнтехБанк» отозвана лицензия.

Конкурсный управляющий и банк ссылались на то, что 03.04.2017 между обществом и должником заключено соглашение о расторжении договора купли-продажи акций.

Полагая, что названное соглашение является недействительным, заключено после принятия заявления о банкротстве должника и после отзыва у ПАО «Интехбанк» лицензии, конкурсный управляющий и банк обратились с заявлениями о его оспаривании в деле о банкротстве должника.

При разрешении обособленного спора по существу суд исходил из недоказанности самого факта существования соглашения о расторжении ввиду непредставления в материалы дела его оригинала (была представлена лишь копия). Суд согласился с позицией ответчика, согласно которой наличие светоконии (фотокопии) документа, не заверенной надлежащим образом, при отсутствии оригинала не означает, что обстоятельства его заключения доказаны.

Кроме того, суд отметил, согласно справке ООО «Евроазиатский регистратор» из реестра владельцев именных ценных бумаг на дату 19.04.2018 акции ПАО «ИнтехБанк» в количестве 199 200 000 штук зарегистрированы за обществом. Таким образом, суд отказал в признании сделки недействительной.

После этого конкурсный управляющий от имени должника обратился с иском о взыскании с общества 193 000 000 руб. долга по договору купли-продажи, а также 7 159 506,85 руб. процентов за пользование чужими денежными средствами (дело № А65-9466/2019).

В качестве возражения на указанное требование общество сослалось на наличие соглашения о расторжении договора купли-продажи акций от 03.04.2017. Учитывая наличие данного соглашения, решением от 24.06.2019 в удовлетворении исковых требований отказано.

Полагая, что выводы, сделанные при рассмотрении искового заявления о взыскании долга по делу № А65-9466/2019, свидетельствуют о наличии вновь открывшихся обстоятельств по спору о признании сделки недействительной, конкурсный управляющий обратился с заявлением в порядке главы 37 АПК РФ.

Обращаясь с заявлением о пересмотре судебного акта, конкурсный управляющий фактически ссылаясь на противоречивое поведение общества в рамках нескольких судебных разбирательств.

Так, первоначально при оспаривании соглашения о расторжении (первое дело) общество заявляло, что оно не заключало это соглашение и такого соглашения в принципе не существует. Далее при взыскании задолженности по договору купли-продажи (второе дело) общество в качестве возражения на иск представило в суд оригинал названного соглашения о расторжении, и суд расценил это доказательство как основание для отказа в иске.

Конкурсный управляющий счел, что представление обществом оригинала соглашения во второе дело является существенным для первого дела обстоятельством, которое не было и не могло быть известно ему как заявителю ранее (пункт 1 части 2 статьи 311 АПК РФ).

Возражая против заявления управляющего, общество, позицию которого поддержали суды, отмечало, что банк должен был узнать о соглашении в рамках дела № А65-30570/2017 по заявлению общества об обязанности осуществить перевод ценных бумаг; в свою очередь, конкурсный управляющий мог узнать о соглашении, если бы в ответ на направленное в его адрес письмо от 26.12.2017 № 26-12 явился для осуществления возврата ценных бумаг.

Вместе с тем, ссылка общества на указанные факты несостоятельна, так как ни банк, ни конкурсный управляющий не опровергали своей осведомленности о существовании соглашения на момент рассмотрения первого дела по существу. Очевидно, что сам предмет иска по настоящему обособленному спору о признании соглашения недействительным указывает на то, что банк и управляющий полагали соглашение существующим юридическим фактом, требуя аннулировать его юридическую силу посредством оспаривания. В связи с этим, приняв возражения общества, суды сосредоточили свое внимание на ошибочном предмете (знали истцы о существовании соглашения или нет). В действительности же перед судами встал вопрос о том, может ли недобросовестное поведение одной из сторон спора, заключающееся в сокрытии ключевых для дела доказательств (что впоследствии подтверждено в рамках иного спора), являться основанием для пересмотра судебного акта и квалифицироваться в качестве вновь открывшегося обстоятельства.

Разрешая данный вопрос, судебная коллегия исходит из следующего. Институт пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам является чрезвычайным средством возобновления производства по делу и необходим для того, чтобы прекратить существование объективно ошибочных судебных актов в ситуации, когда об обстоятельствах, позволяющих сделать вывод о допущенной ошибке, стало известно после вынесения этих судебных актов.

Ограничение применения данного института вытекает из необходимости соблюдения принципа правовой определенности, в том числе признания законной силы судебных решений, их неопровержимости. Таким образом, при определении критериев пересмотра должен быть соблюден баланс между принципом правовой определенности, с одной стороны, и недопустимостью существования объективно ошибочных решений, с другой.

Судебная коллегия исходит из того, что принцип правовой определенности не может защищать сторону, действовавшую недобросовестно и умышленно создавшую видимость отсутствия ключевых доказательств, которые имели решающее значение для дела и могли позволить полноценно провести судебное разбирательство.

При рассмотрении спора по существу определением от 22.03.2018 суд истребовал оригинал соглашения у ответчика, однако ответчик скрыл от суда это соглашение, впоследствии представив его во второе дело о взыскании долга. Таким образом, в отношении вопроса о существовании соглашения ответчик вел себя противоречиво и непоследовательно, преследуя исключительно собственную выгоду в каждом конкретном деле, что свидетельствует о его недобросовестности.

По мнению судебной коллегии, в подобной ситуации представление ответчиком во второе дело оригинала соглашения о расторжении открывало для его процессуальных оппонентов возможность ревизии результатов первого дела, при этом ответчик не имел права возражать против процедуры пересмотра, ссылаясь на принцип правовой определенности, поскольку сам действовал недобросовестно, утаив от суда ключевые доказательства.

[Определение ВС РФ от 25.03.2021 № 303-ЭС19-9613 \(2\)](#)

Навязывание миноритарными кредиторами иным кредиторам, обладающим превалирующим числом голосов, кандидатуры конкурсного управляющего при возобновлении производства по делу о банкротстве, выражающееся в составлении протокола собрания кредиторов, учитывающих только позицию миноритарных кредиторов по указанному вопросу, является нарушением принципа юридического равенства всех конкурсных кредиторов в связи с чем судам необходимо руководствоваться общим правилом о порядке выбора конкурсного управляющего при возобновлении производства по делу о банкротстве, закрепленного в абзаце втором пункта 1 статьи 166 Закон о банкротстве.

Определением от 17.01.2019 утверждено мировое соглашение, заключенное в рамках дела о банкротстве ООО «Азия Экспорт» (в процедуре конкурсного производства), производство по этому делу прекращено.

Впоследствии конкурсные кредиторы общества «Азия Экспорт» – общества «Логистик Лес» и «АзияЛес» – обратились в суд с заявлением о расторжении данного мирового соглашения, возобновлении в отношении общества «Азия Экспорт» процедуры конкурсного производства и утверждении конкурсным управляющим Белова Е.Ю.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено.

Арбитражный суд 02.10.2018 открыл в отношении общества «Азия Экспорт» конкурсное производство (дело № А73-3976/2016 (далее – первое дело о банкротстве)). Определением от 30.10.2018 конкурсным управляющим обществом «Азия Экспорт» утвержден Ревякин П.А.

Впоследствии определением Арбитражного суда Хабаровского края от 17.01.2019 утверждено мировое соглашение по первому делу о банкротстве, производство по этому делу прекращено.

Корпорация 25.12.2019 опубликовала уведомление о намерении обратиться в суд с заявлением о признании общества «Азия Экспорт» банкротом.

Заявление корпорации о признании должника банкротом (сумма требований корпорации составила около 11,5 млрд. рублей) поступило в суд 10.01.2020. Определением от 20.01.2020 по заявлению корпорации возбуждено производство по второму делу о банкротстве общества «Азия Экспорт» (№ А73-173/2020)

В свою очередь, общества «Логистик Лес» и «Азия Лес», являющиеся мажоритарными конкурсными кредиторами в рамках первого дела о банкротстве, обладающее на тот момент 99 процентами голосов от общего количества голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов (общая сумма задолженности перед этими кредиторами составила более 1,5 млрд. рублей), 10.01.2020 подали в суд первой инстанции заявление о расторжении мирового соглашения. Данное заявление принято к производству определением суда от 16.01.2020.

Общества «Логистик Лес» и «Азия Лес» приложили к своему заявлению о расторжении мирового соглашения протокол общего собрания кредиторов, требования которых были установлены в рамках первого дела о банкротстве, датированный 23.12.2019. Согласно этому протоколу в собрании участвовали лишь два указанных хозяйственных общества, и они приняли решение о выборе кандидатуры Белова Е.Ю., члена Дальневосточной саморегулируемой организации, для утверждения конкурсным управляющим обществом «Азия Экспорт».

Определением от 17.02.2020 заявление обществ «Логистик Лес» и «Азия Лес» удовлетворено, мировое соглашение, заключенное в рамках первого дела о банкротстве, расторгнуто, производство по данному делу возобновлено, к обществу «Азия Экспорт» применена процедура конкурсного производства, его конкурсным управляющим утвержден Белов Е.Ю., член Дальневосточной саморегулируемой организации.

Определением от 17.03.2020 первое и второе дела о банкротстве должника объединены в одно производство для совместного рассмотрения в рамках первого дела.

Определение Арбитражного суда Хабаровского края от 17.02.2020 о расторжении мирового соглашения, возобновлении производства по первому делу о банкротстве и об утверждении конкурсного управляющего должником было обжаловано в суды апелляционной инстанции и округа. В удовлетворении жалоб отказано.

Применительно к обстоятельствам настоящего дела протокол собрания кредиторов о выборе новой кандидатуры конкурсного управляющего, датированный 23.12.2019, не мог быть квалифицирован судами в качестве документа, в котором выражена действительная воля всего гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов общества «Азия Экспорт». Так, согласно этому протоколу за кандидатуру Белова Е.Ю. на собрании проголосовали общества «Логистик Лес» и «Азия Лес», совокупный размер требований которых (1,5 млрд. рублей) многократно ниже размера требований корпорации (11,5 млрд. рублей). Обращение обществ «Логистик Лес» и «Азия Лес» в суд с заявлением о расторжении мирового соглашения, заключенного в рамках первого дела о банкротстве, и об утверждении управляющим Белова Е.Ю. состоялось 10.01.2020, то есть после того, как корпорация 25.12.2019 разместила публичное сообщение о намерении инициировать второе дело о банкротстве общества «Азия Экспорт». Фактически данное обращение упомянутых хозяйственных обществ в части, касающейся их требования об утверждении управляющим Белова Е.Ю., является попыткой миноритарных кредиторов навязать свою волю другим кредиторам, обладающим преобладающим числом голосов, нарушающей принцип юридического равенства всех конкурсных кредиторов.

С учетом изложенного, у судов не имелось оснований для отхода от общего правила о порядке выбора конкурсного управляющего при возобновлении производства по делу о банкротстве, закрепленного в абзаце втором пункта 1 статьи 166 Закон о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 15.04.2021 № 305-ЭС20-21887](#)

В случае прекращения дела о банкротстве должника кредитор на основании определения о включении его требований в реестр требований кредиторов должника может быть выдан

исполнительный лист даже в том случае, если требования кредитора включены в реестр на основании судебного акта, по которому исполнительный лист выдавался ранее.

При этом ошибочно мнение о том, что решение о взыскании с должника в пользу кредитора денежных средств тождественно судебному акту о включении подтвержденных таким решением требований в реестр (в случае, если было частичное исполнение первоначального судебного акта), в связи с чем нет необходимости повторно выдавать исполнительный лист.

Вопрос о выдаче исполнительного листа по соответствующему требованию разрешается арбитражным судом по ходатайству кредитора в судебном заседании. По результатам разрешения данного ходатайства суд выносит определение, в резолютивной части которого возлагает на должника обязанность передать кредитору (взыскателю) денежные средства в сумме, ранее включенной в реестр, за вычетом сумм, которые были погашены к моменту выдачи листа в ходе процедур банкротства, и указывает на выдачу исполнительного листа.

Решением от 05.04.2018 общество признано несостоятельным (банкротом).

В процедуре конкурсного производства определением от 13.06.2018 требование компании в сумме 1179 999,73 руб. включено в третью очередь реестра требований кредиторов общества на основании ранее вынесенного и вступившего в силу решения от 02.03.2016 г.

Впоследствии определением от 28.02.2019 производство по делу о банкротстве общества прекращено в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему.

Затем (18.12.2019) в арбитражный суд поступило заявление компании о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение определения суда первой инстанции от 13.06.2018.

Судами трех инстанций в выдаче исполнительного листа отказано.

Отменяя принятые судебные акты, судебная коллегия тем не менее согласилась с окружным судом относительно того, что исходя из общих принципов процессуального законодательства исполнительный лист мог быть выдан компании.

Так, в пункте 2 части 1 статьи 150 АПК РФ закреплён принцип недопустимости повторного рассмотрения уже разрешенного судом дела: суд обязан прекратить разбирательство по делу, если имеется вступивший в законную силу принятый по тождественному спору судебный акт арбитражного суда, суда общей юрисдикции или компетентного суда иностранного государства (за исключением случаев, когда арбитражный суд отказал в признании и приведении в исполнение его решения).

При разрешении в рамках дела о банкротстве вопроса об обоснованности денежного требования кредитора суд исследует обстоятельства (факты), на которых кредитор основывает свое материально-правовое требование к должнику по связывающему их обязательству, определяя денежную сумму, подлежащую выплате кредитору.

В случае последующего прекращения производства по делу о несостоятельности должника и предъявления кредитором иска о взыскании с последнего той же задолженности, которая ранее уже была установлена арбитражным судом, спорящие стороны, предмет и основание второго иска совпадают с теми элементами, что были отражены кредитором в первом заявлении об установлении его требования, то есть имеет место тождество иска и заявления.

Принимая во внимание установленный процессуальным законом запрет повторения процесса, учитывая, что обеспечение исполнения судебного акта является неотъемлемой частью права на судебную защиту, на основании судебного определения о включении требования кредитора в реестр ему может быть выдан исполнительный лист в силу части 1 статьи 319 АПК РФ.

Согласно пункту 6 части 1 статьи 13 Закона об исполнительном производстве в исполнительном документе должны быть указаны резолютивная часть судебного акта, содержащая, в частности, требование о возложении на должника обязанности по передаче взыскателю денежных средств.

В отсутствие прямого законодательного регулирования порядка выдачи исполнительного листа на основании определения о включении задолженности в реестр по аналогии подлежат применению положения абзаца второго пункта 5 статьи 213.28 Закона о банкротстве, регулирующие случаи выдачи исполнительного листа при неосвобождении гражданина от долгов (пункт 6 статьи 13 АПК РФ), с учетом сложившейся практики их применения, закрепленной в пункте 44 постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан». Вопрос о выдаче исполнительного листа по соответствующему требованию разрешается арбитражным судом по ходатайству кредитора в судебном заседании. По результатам разрешения данного ходатайства суд выносит определение, в резолютивной части которого возлагает на должника обязанность передать кредитору (взыскателю) денежные средства в сумме, ранее включенной в реестр, за вычетом сумм, которые были погашены к моменту выдачи листа в ходе процедур банкротства, и указывает на выдачу исполнительного листа.

Суд округа, придя к правильному общему выводу по поставленному компанией основному правовому вопросу, ошибочно усмотрел тождество судебного решения от 02.03.2016, принятого по делу, которым с общества (лизингополучателя) в пользу компании (лизингодателя) взыскана неустойка по связывающему их договору лизинга в сумме 189 668,05 руб. и распределены судебные расходы, и судебного определения от 13.06.2018, которым установлено сальдо встречных обязательств лизингодателя и лизингополучателя по тому же договору лизинга в связи его последующим расторжением (09.06.2017) и возвратом лизингодателю переданного в лизинг имущества.

Возбуждение дела о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 15.04.2021 № 305-ЭС20-22243](#)

Действие моратория на возбуждение дела о банкротстве распространяется на юридическое лицо в том случае, если код основного, а не дополнительного вида деятельности такой организации (определяемый в соответствии с ОКВЭД 2), включен в перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 03.04.2020 № 434.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании предприятия несостоятельным (банкротом).

Заявление мотивировано наличием у комбината (заемщика) неисполненных кредитных обязательств перед Сбербанком, правопреемником которого является общество. Предприятие поручилось за надлежащее исполнение этих обязательств комбинатом.

Судами апелляционной инстанции и округа заявление о признании предприятия банкротом возвращено обществу по мотиву распространения правил о введении моратория на банкротство предприятия.

Отменяя указанные судебные акты и оставляя в силе определение суда первой инстанции, судебная коллегия указала на следующее.

Согласно пункту 1 статьи 9.1 Закона о банкротстве для обеспечения стабильности экономики в исключительных случаях Правительство Российской Федерации вправе ввести на определенный им срок мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами.

Такой мораторий был введен постановлением Правительства РФ от 03.04.2020 № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников».

Как указано в акте Правительства РФ, мораторий распространяется, в том числе, на организации, в отношении которых код основного, а не дополнительных, видов деятельности, определяемый в соответствии с ОКВЭД 2 и содержащийся в Едином государственном реестре юридических лиц (далее – государственный реестр юридических лиц) по состоянию на 01.03.2020, включен в перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции), утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 03.04.2020 № 434.

Из выписки из государственного реестра юридических лиц в отношении предприятия следует, что должник в качестве основного вида деятельности заявило деятельность по производству мебели для офисов и предприятий торговли по коду 31.01 ОКВЭД 2. Иные виды деятельности (в том числе, торговля розничными прочими бытовыми изделиями в специализированных магазинах) отнесены предприятием к дополнительным видам экономической деятельности.

Перечень пострадавших отраслей не включает в себя такой вид деятельности, как производство мебели для офисов и предприятий торговли (код 31.01 ОКВЭД 2).

Таким образом, в соответствии с актом Правительства Российской Федерации предприятие не подпадает под действие моратория.

Доводы предприятия о том, что для него торговля – это фактический основной вид деятельности, судебной коллегией были отклонены.

По общим правилам, закрепленным в Законе о регистрации, определение кодов, непосредственно относящихся к сфере деятельности той или иной организации, осуществляется ею самостоятельно. В заявительном порядке соответствующая информация о кодах вносится в государственный реестр юридических лиц. При этом в силу пункта 5 статьи 5 Закона о регистрации юридическое лицо обязано сообщить в регистрирующий орган по месту своего нахождения об изменении видов экономической деятельности, сведения о кодах которых включены в государственный реестр юридических лиц, в течение трех рабочих дней с момента такого изменения.

Предусмотренные мораторием мероприятия предоставляют лицам, на которых он распространяется, преимущества и одновременно накладывают на контрагентов этих лиц дополнительные ограничения. Таким образом, при введении моратория вследствие экстраординарности сложившейся ситуации на основании акта публичного органа временно изменяется объем прав и обязанностей участников гражданского оборота.

При этом Правительство Российской Федерации, предварительно просчитывая последствия моратория – исключительного (нетипичного) вмешательства в сложившийся режим осуществления предпринимательской деятельности – для экономики страны, определяя пределы такого вмешательства и принимая окончательное решение о введении моратория, полагается на сведения государственного реестра юридических лиц о видах деятельности, осуществляемых российскими организациями. Равным образом, участники оборота имеют разумные ожидания относительно того, что публично размещенная информация, внесенная их контрагентами в государственный реестр юридических лиц, соответствует действительности.

Адресованное контрагенту последующее заявление организации, которая раскрыла неопределенному кругу лиц структуру своего бизнеса, описав основные и дополнительные виды деятельности путем включения соответствующих сведений в государственный реестр юридических лиц, об ином состоянии ее дел не имеет правового значения (пункт 2 статьи 10 ГК РФ).

Ссылки судов апелляционной инстанции и округа на статью 7 Закона № 106-ФЗ судебная коллегия нашла ошибочными.

В названной статье закреплены специальные правила изменения условий кредитного договора (договора займа). В силу статьи 7 Закона № 106-ФЗ обратиться к кредитору с такого рода требованием может заемщик – сторона названного договора, что согласуется с общими положениями пункта 3 статьи 308 ГК РФ об относительности обязательственной связи. Поручитель, не являющийся стороной кредитной (заемной) сделки,

правом на изменение ее условий не наделен. Самостоятельное обращение поручителя с подобным требованием, в отсутствие волеизъявления заемщика, не отвечает ни положениям ГК РФ, ни положениям Закона № 106-ФЗ.

С учетом изложенного, у судов апелляционной инстанции и округа не имелось оснований для отмены определения суда первой инстанции по приведенным ими основаниям.

[Определение ВС РФ от 19.04.2021 № 305-ЭС20-23028](#)

Действие моратория на возбуждение дел о банкротстве распространяется на определенные категории лиц даже в том случае, если они не находятся в процедурах банкротства. Запрет на применение финансовых санкций за неисполнение пострадавшими компаниями денежных обязательств по требованиям, возникшим до введения моратория, не ставится в зависимость ни от причин просрочки исполнения обязательств, ни от доказанности факта нахождения ответчика в предбанкротном состоянии.

Осуществление лицом деятельности в отрасли, которая отмечена Правительством РФ как пострадавшая в период пандемии и требующая потому государственной поддержки, является достаточным обстоятельством для применения такого вида поддержки, как освобождение от гражданско-правовой ответственности за неисполнение денежных обязательств.

Возникновение долга по причинам, не связанным с теми, в связи с которыми введен мораторий, не имеет значения. Освобождение от ответственности направлено на уменьшение финансового бремени на должника в тот период его просрочки, когда она усугубляется объективными, непредвиденными и экстраординарными обстоятельствами.

Основным видом деятельности общества "Ред Вингс" является перевозка воздушным пассажирским транспортом.

Во исполнение договора, заключенного 24.12.2015, общество "Туполев" 21.06.2017 передало обществу "Ред Вингс" комплект технической документации, за что последнее обязалось выплатить 4 043 000 руб., однако исполнило свои обязательства частично, перечислив 25.07.2017 только 500 000 руб.

Общество "Туполев" обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании с ответчика 3 543 000 руб. задолженности, потребовав также взыскать 691 704,27 руб. процентов за пользование покупателем с 26.07.2017 по 03.02.2020 чужими денежными средствами в период просрочки платежа, с последующим их начислением до фактического исполнения обязательства.

Судами трех инстанций иск удовлетворен: с общества "Ред Вингс" взыскано 3 543 000 руб. долга и 691 704,27 руб. процентов за период с 26.07.2017 по 03.02.2020 с продолжением их начисления на сумму непогашенного долга с 04.04.2020 по день исполнения судебного решения.

Предметом рассматриваемой кассационной жалобы являются вопросы:

достаточно ли основного вида экономической деятельности юридического лица, указанного в его регистрационных документах, для освобождения от ответственности за просрочку исполнения гражданско-правовых обязательств на период действия моратория на возбуждение дел о банкротстве;

распространяется ли правило об освобождении от ответственности за просрочку платежа, если долг возник до введения моратория;

применяются ли правила об освобождении от ответственности, если привлекаемое к ней лицо не ссылалось при рассмотрении дела на наличие обстоятельств, освобождающих его от ответственности.

Согласно пункту 1 статьи 9.1 Закона о банкротстве для обеспечения стабильности экономики Правительство Российской Федерации вправе в исключительных случаях ввести на определенный срок мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами.

Такой мораторий введен Правительством Российской Федерации на период с 06.04.2020 на шесть месяцев постановлением от 03.04.2020 № 428 "О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников" и впоследствии с 07.10.2020 продлен еще на три месяца

постановлением от 01.10.2020 № 1587 "О продлении срока действия моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников.

Мораторием помимо прочего предусматривался запрет на применение финансовых санкций за неисполнение пострадавшими компаниями денежных обязательств по требованиям, возникшим до введения моратория (пункт 2 части 1 статьи 9.1, абзац 10 пункта 1 статьи 63 Закона о банкротстве). При этом запрет не ставился в зависимость ни от причин просрочки исполнения обязательств, ни от доказанности факта нахождения ответчика в предбанкротном состоянии. Предоставление государством таких мер поддержки наиболее пострадавшим отраслям экономики прежде всего было обусловлено серьезным экономическим ущербом, причиненным пандемией, и направлено на недопущение еще большего ухудшения их положения.

Согласно пункту 1 статьи 9.1 Закона о банкротстве Правительству РФ предоставлено право определить категории лиц, подпадающих под действие моратория, в том числе и по признаку видов экономической деятельности, предусмотренных Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД). В данном случае Правительство РФ указало, что мораторий применяется к должникам лицам по признаку основного вида экономической деятельности, предусмотренного ОКВЭД, которым занималась пострадавшая компания (подпункт "а" пункта 1 постановления № 428).

Сведения об основном виде деятельности юридического лица подлежат внесению в его регистрационные документы (пункты 1.1, 1.2 статьи 9 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей", приказ ФНС России от 31.08.2020 № ЕД-7-14/617@ "Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств").

Указание основного вида деятельности в регистрационных документах юридического лица предполагает, что именно этой деятельностью оно и занимается. Упоминание этой деятельности в постановлении Правительства РФ, которым введен мораторий, предполагает, что в данной экономической сфере объективно возникли проблемы, требующие государственной поддержки, и, как следствие, осуществление лицом этой деятельности является достаточным обстоятельством для применения такого вида поддержки, как освобождение от гражданско-правовой ответственности за неисполнение денежных обязательств.

Возникновение долга по причинам, не связанным с теми, в связи с которыми введен мораторий, не имеет значения. Освобождение от ответственности направлено на уменьшение финансового бремени на должника в тот период его просрочки, когда она усугубляется объективными, непредвиденными и экстраординарными обстоятельствами.

Основным видом деятельности общества "Ред Вингс" является перевозка воздушным пассажирским транспортом, что соответствует коду "51.1" по ОКВЭД. Этот же вид деятельности указан в регистрационных документах общества. Следовательно, на общество "Ред Вингс" в полной мере распространялись нормы об освобождении от ответственности за невыполнение денежных обязательств на период моратория.

Применение ответственности к правонарушителю является вопросом права, а вопрос квалификации правоотношений – это исключительная компетенция суда (пункт 1 статьи 168 АПК РФ, пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации").

Арбитражный суд не связан правовой квалификацией истцом заявленных требований (спорных правоотношений), а должен рассматривать иск исходя из предмета и оснований (фактических обстоятельств), определяя по своей инициативе круг обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора и подлежащих исследованию, проверке и установлению по делу, а также решить, какие именно нормы права подлежат применению в конкретном спорном правоотношении (пункт 27 Обзора судебной практики Верховного Суда

Российской Федерации № 2 (2019), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17.07.2019).

Для привлечения к ответственности суд должен установить все необходимые признаки состава правонарушения, в том числе противоправность поведения должника. Недопустимым является привлечение кого-либо к ответственности, которая не установлена законом или в допустимых законом пределах договором. В связи с этим в силу требований процессуального закона (пункт 3 статьи 9, пункт 1 статьи 133, пункт 1 статьи 135, пункт 2 статьи 136 АПК РФ) арбитражный суд по меньшей мере должен поставить на обсуждение сторон спора вопрос о наличии в содеянном должником всех признаков правонарушения, позволяющих привлечь его к ответственности. Исследование этих обстоятельств гарантирует соблюдение прав как ответчика, так и истца, указывавшего на недобросовестность ответчика и отсутствие для него негативных последствий от причин введения моратория (пункт 7 постановления № 44). Тем самым достигаются задачи правосудия, определенные процессуальным законом (пункты 1, 3, 4 статьи 2 АПК РФ).

Судебная коллегия не может согласиться с доводом общества "Туполев", сводящимся к тому, что умолчание обществом "Ред Вингс" о нормативных актах, освобождающих его от ответственности, допускает отказ в их применении.

Пунктом 7 постановления № 44 разъясняется распространение действия моратория на лиц, подпадающих под определенные Правительством Российской Федерации критерии и в том случае, если они не находятся в процедурах банкротства. Оснований для более широкого толкования данного пункта не имеется. Поэтому ссылка общества "Туполев" только на последнее предложение абзаца первого указанного пункта в обоснование своей позиции о необходимости заявления должником об освобождении его от ответственности несостоятельна.

Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 11.03.2021 № 308-ЭС20-18927](#)

Если основанием требования кредитора, предъявленного к включению в реестр требований должника, выступает трансграничная сделка, суду для установления наличия или отсутствия пропуска срока исковой давности по поводу возможности установления такой задолженности, необходимо установить право, применимое к спорным правоотношениям, в частности, в случае наличия в трансграничной сделке оговорки о применимом праве применить такую оговорку.

В случае, если текст такой сделки изготовлен в двуязычном варианте, одновременно в параллельном изложении договорных условий, включая реквизиты и подписи сторон, по общему правилу перевод договора не требуется, так как по умолчанию оба текста считаются идентичными и для разрешения спора вполне достаточно последнего. В таком случае не имеет правового значения немотивированное недоверие какой-либо из сторон спора выполненному переводу либо незнание иностранного языка в степени, достаточной для изучения обоих текстов договора.

В случае, если Венская конвенция применима к рассматриваемой трансграничной сделке (пункт 1 статьи 1 Конвенции), необходимо учитывать, что по вопросам, которые не разрешены в международном договоре Российской Федерации, применимое право определяется соглашением сторон (статья 1210 ГК РФ), а в отсутствие последнего – с помощью коллизионных норм международного частного права (пункт 3 постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2019 № 24 "О применении норм международного частного права судами Российской Федерации"). В случае если сторонами внешнеэкономических контрактов в качестве применимого права определено иностранное право и такой выбор не порождает непреодолимых противоречий с Венской конвенцией, то применению подлежит именно оговоренное сторонами право.

Законодательство допускает уяснение судом норм иностранного права посредством содействия лиц, участвующих в деле, в разрешении данного вопроса, либо выполнении обязанности по доказыванию содержания норм иностранного права по требованию суда. Однако суд в таком случае не освобождается от обязанности по установлению содержания норм иностранного права, необходимого для верного разрешения спора.

ООО "ДерВейс" осуществляло сборку автомобилей марки "Джили" ("GEELY"). С этой целью общество "ДерВейс" (покупатель) по контрактам, заключенным с поставщиками, расположенными в Китайской Народной Республике, приобретало комплектующие для автосборочного производства.

По условиям таких внешнеторговых контрактов датой поставки считалась дата коносамента, а окончательная оплата поставленного товара по общему правилу должна была осуществляться по истечении 120-ти календарных дней от даты отгрузки на коносаменте.

Поставка товаров осуществлялась с 2010 года по 07.07.2015.

Требование задолженности по оплате поставленных товаров в сумме 239 832 516,52 доллара США, 3 537 600 долларов США, 178 660,28 доллара США и 1 192 464 рублей поставщики 12.02.2015 и 23.03.2016 уступили обществу "Джили-Моторс" (дочернее предприятие поставщиков, расположенное в России). В договорах уступки требований предусмотрено, что общество "Джили-Моторс" обязано оплатить полученные требования до 11.02.2020, но не ранее, чем общество "ДерВейс" погасит задолженность полностью или в части, в том числе путем проведения зачета встречных требований с обществом "Джили-Моторс".

На заявление общества "Джили-Моторс" от 17.02.2015 о зачете встречных однородных требований, по результатам которого остаток задолженности должника перед кредитором составил 145 399 777,71 доллара США, общество "ДерВейс" ответило согласием, но на условиях пересчета долга в рублях по курсу доллара.

Впоследствии в счет оплаты полученных требований общество "Джили-Моторс" перечислило цедентам свыше 5 000 000 000 руб.

20.05.2019 по заявлению Федеральной налоговой службы возбуждено дело о банкротстве общества "ДерВейс", 16.07.2019 введено наблюдение, 12.02.2020 должник признан банкротом, открыто конкурсное производство.

15.08.2019 общество "Джили-Моторс", сославшись на неисполнение должником обязательств по оплате поставленных товаров, обратилось в арбитражный суд с заявлением об установлении его требований в размере 9 197 591 807,41 руб. в реестре требований кредиторов должника.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано. Судебная коллегия ВС РФ пришла к следующим выводам.

Гражданское законодательство Российской Федерации основывается, помимо прочего, на признании частной автономии, свободы договора, на обеспечении восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (пункты 1 и 2 статьи 1 ГК РФ).

Закон допускает возможность выбора сторонами договора права, подлежащего применению к их правам и обязанностям по договору. При этом соглашение сторон о выборе подлежащего применению права должно быть прямо выражено или определенно вытекать из условий договора либо совокупности обстоятельств дела (пункты 1, 2 статьи 1210 ГК РФ).

По праву страны, подлежащему применению к соответствующему отношению, определяется исковая давность (статья 1208 ГК РФ).

Во внешнеторговых контрактах, положенных в основу требований общества "Джили-Моторс", имеется оговорка о применимом праве, поэтому этот вопрос подлежал разрешению в первоочередном порядке.

В силу принципов состязательности и ведения судопроизводства на государственном языке Российской Федерации – русском языке стороны судебного спора обязаны предоставлять в суд надлежаще заверенные копии перевода на русский язык письменных доказательств, исполненных на иностранном языке (пункт 5 статьи 75, пункт 2 статьи 255 АПК РФ, статья 81 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате", утвержденных Верховным Советом Российской Федерации 11.02.1993 № 4462-1).

Согласно пункту 1 статьи 1 Венской конвенции она применяется к договорам купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах, при выполнении любого из двух условий:

когда эти государства являются Договаривающимися Государствами;

когда согласно нормам международного частного права применимо право Договаривающегося Государства.

Исходя из того, что Российская Федерация и КНР являются Договаривающимися Государствами, спорные контракты автоматически подпадают под действие положений Венской конвенции по пункту 1(а) статьи 1 этой конвенции.

Венская конвенция не охватывает все вопросы, связанные с конкретным договором международной купли-продажи, что следует, в частности, из статей 4 и 5 самой конвенции. В таком случае по вопросам, которые не разрешены в международном договоре Российской Федерации, применимое право определяется соглашением сторон (статья 1210 ГК РФ), а в отсутствие последнего – с помощью коллизионных норм международного частного права (пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 № 24 "О применении норм международного частного права судами Российской Федерации").

Сторонами внешнеторговых контрактов в данном случае реализован принцип автономии воли сторон гражданско-правового договора и на законных основаниях в качестве применимого права определено иностранное право. Такой выбор не породил непреодолимых противоречий с Венской конвенцией (по крайней мере, иного не доказано). Таким образом, при разрешении спора право Королевства Швеции подлежит применению к правоотношениям поставщиков и покупателя субсидиарно по отношению к нормам Венской конвенции.

Ни специальные положения Венской конвенции, ни общие принципы, на которых она основана, не регулируют вопросы исковой давности, поэтому в данном вопросе она не применима для разрешения судебного спора.

Вопреки выводам судов, Нью-Йоркская конвенция является самостоятельным международным договором, а не частью Венской конвенции. Гармонизация этих конвенций не делает их единым документом. Венской конвенции в редакции Нью-Йоркской конвенции не существует.

Следует заметить, что Королевство Швеция не подписало Нью-Йоркскую конвенцию. Как следствие, она не является частью правовой системы этого государства и на этом основании также не подлежит применению в данном деле. Более того, Нью-Йоркская конвенция не действует ни для КНР (страна ее не подписала), ни для Российской Федерации (конвенция не ратифицирована).

Таким образом, по вопросам исковой давности в силу статьи 1208 ГК РФ подлежит применению право Королевства Швеция.

Не приняв представленные обществом "Джили-Моторс" заключение шведских адвокатов по вопросам права и текст закона Королевства Швеция, суды указали на пороки этих доказательств, лишаящие их достоверности: отсутствие надлежаще заверенного перевода, избирательность экспертов в выборе правовых норм, в то время как по шведскому законодательству допускается и трех- и десятилетний срок исковой давности, неосведомленность экспертов об обстоятельствах спора. В то же время, во-первых, общество "Джили-Моторс" оказывало содействие суду, а не выполняло возложенную на него обязанность; во-вторых, общество "Джили-Моторс" безуспешно ходатайствовало об осуществлении судом действий, предписанных ему законом; в-третьих, ни общество "ДерВейс", ни иные участники судебного спора в противовес позиции заявителя не

представили суду никаких вариантов содержания и применения норм иностранного права; в-четвертых, анализ экспертом отношений сторон был бы явно излишен, так как он повлек бы неотносимость и недопустимость правового заключения (пункт 46 Постановления № 23, статьи 67, 68 АПК РФ).

Оснований для применения правила о праве страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано (пункт 2 статьи 1186 ГК РФ), не имеется, так как в данном случае право, подлежащее применению, устанавливается достаточно определенно. Игнорирование судами оговорки о применимом праве противоречит принципам свободы договора и автономии воли участников гражданских правоотношений, подрывает разумные ожидания сторон сделки и стабильность внешнеторгового оборота, препятствует становлению и развитию партнерских деловых отношений.

В связи с существенным нарушением норм права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов общества "Джили- Моторс" в сфере предпринимательской деятельности, на основании пункта 1 статьи 291.11 АПК РФ обжалованные судебные акты были отменены с направлением материалов обособленного спора на новое рассмотрение в суд первой инстанции для решения вопроса о содержании норм шведского права об исковой давности, применения этих норм к рассматриваемому спору и при дальнейшей необходимости – для последующего разрешения спора по существу требований (в том числе для оценки довода общества "Джили- Моторс" о том, что по части контрактов с учетом даты поставки и сроков оплаты не истек даже трехлетний срок исковой давности).

Оспаривание сделок должника.

[Определение ВС РФ от 04.03.2021 № 302-ЭС19-473 \(13\)](#)

При разрешении спора о признании недействительными сделок должника, связанных с уступкой прав требования, совершенных в период подозрительности, суду необходимо установить рыночную стоимость встречного предоставления по таким сделкам, ликвидность встречного предоставления, а также наличие или отсутствие признаков согласованности действий участников спорных отношений. Если в качестве встречного предоставления по таким сделкам выступают векселя, выданные третьим лицом, суду необходимо исследовать ликвидность таких векселей. Векселя, как ценные бумаги, могут быть признаны ликвидными, если обязанные лица, в частности векселедатель, в состоянии произвести по ним расчеты с любым законным векселедержателем, обратившимся с требованием о платеже. Наличие у векселедателя в какой-то момент времени значительного актива без проверки совокупного размера его обязательств не свидетельствует об истинных финансовых возможностях векселедателя. Факт погашения векселей векселедателем не является обстоятельством, исключающим необходимость исследования их рыночной стоимости в рамках спора о признании недействительным сделок должника.

Решением от 20.04.2017 банк «Енисей» признан несостоятельной (банкротом), полномочия конкурсного управляющего возложены на ГК «АСВ» (агентство).

В рамках дела о банкротстве банка «Енисей» агентство обратилось в суд с заявлением к обществам с ограниченной ответственностью «Випстайл» (общество «Випстайл»), «ТопЭнергоАудит» (общество «ТопЭнергоАудит»), «Триумф» (общество «Триумф»), «Центрум» (общество «Центрум»), «Ювеста» (общество «Ювеста») о признании сделок недействительными и применении последствий их недействительности.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

Приказами Банка России у банка «Енисей» отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению названным банком.

В преддверии отзыва лицензии банк «Енисей» (принципал) и общество «Строймаг» (агент) заключили рамочное агентское соглашение от 17.11.2016, по которому общество «Строймаг», в частности, обязалось

подыскивать банку «Енисей» покупателей его требований, вытекающих из заемных обязательств и (или) залоговых.

Банк «Енисей» (продавец) 02.02.2017 заключил ряд договоров об уступке требований:

с обществом «Випстайл» (покупателем) – об уступке требований к 290 физическим лицам на 312 750 310 рублей 42 копейки; с обществом «Ювеста» (покупателем) – об уступке требований к 138 физическим лицам на 264 678 352 рубля 42 копейки; с обществом «Центрум» (покупателем) – об уступке требований к 143 физическим лицам на 188 836 501 рубль 35 копеек.

В день заключения договоров об уступке требований подписаны соглашения, по условиям которых «Строймаг» приняло на себя обязательства отвечать перед банком «Енисей» за надлежащее исполнение покупателями обязательств по оплате полученных ими требований. Кроме того, примерно в это же время банк «Енисей» (продавец) заключил ряд договоров с обществом «Триумф» (покупателем):

восемь договоров уступки требований от 30.01.2017 (сумма передаваемых требований: 33 593 205 рублей 65 копеек, 32 037 904 рубля 27 копеек, 20 241 095 рублей 89 копеек, 6 883 832 рубля 89 копеек, 5 130 591 рубль 13 копеек, 4 968 055 рублей 93 копейки, 139 394 доллара США, 4 133 доллара США); договор уступки требований от 02.02.2017 (сумма передаваемых требований 275 000 000 рублей); пять договоров купли-продажи залоговых от 30.01.2017 (с суммой требований (без учета процентов): 23 619 223 рубля 85 копеек, 22 823 619 рублей 70 копеек, 7 352 941 рубль 15 копеек, 6 535 969 рублей 7 копеек, 826 878 рублей 18 копеек); договор купли-продажи залоговой от 02.02.2017 (с суммой требований (без учета процентов): 450 424 100 рублей 36 копеек).

По соглашению от 02.02.2017 общество «Строймаг» приняло на себя обязательства отвечать перед банком «Енисей» за надлежащее исполнение обществом «Триумф» обязательств по оплате приобретенных требований и залоговых.

Отказывая в удовлетворении заявления, суды исходили из того, что по оспариваемым договорам банк «Енисей» получил равнозначное встречное исполнение.

Между тем судами не учтено следующее.

Пункт 1 статьи 61.2, статья 189.40 Закона о банкротстве предусматривают возможность признания недействительной сделки кредитной организации, совершенной за год до назначения Банком России временной администрации по управлению этой кредитной организацией и после назначения временной администрации при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной данной сделки. Неравноценное встречное исполнение обязательств имеет место, в частности, в случае, если цена сделки и (или) иные условия на момент ее заключения существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки.

Оспариваемые агентством сделки, заключены менее чем за 10 дней до дня назначения временной администрации по управлению банком «Енисей», то есть в период подозрительности, установленный пунктом 1 статьи 61.2, пунктом 3 статьи 189.40 Закона о банкротстве.

Проверяя доводы агентства о неравноценности полученного банком «Енисей» предоставления в виде векселей карьероуправления, суды нарушили принцип равноправия сторон и требования процессуального закона об оценке доказательств, что могло привести к принятию неправильного решения по существу спора.

Так, являются ошибочными ссылки судов на определение Арбитражного суда Красноярского края от 18.10.2018 по настоящему делу как на преюдициальный акт по вопросу о равноценности полученного банком

«Енисей» предоставления. Преюдициальное значение имеют ранее установленные арбитражным судом факты (часть 2 статьи 69 АПК РФ). Однако в удовлетворении заявления о недействительности иной сделки, заключенной не с ответчиками по настоящему обособленному спору, а с обществом «СМТ-Логистик», ранее было отказано ввиду недоказанности агентством неравноценности предоставления, полученного банком «Енисей», что не образует преюдицию и не лишает агентство возможности доказать такую неравноценность по заявлению, разрешенному позднее в рамках другого обособленного спора, по требованиям, предъявленным к иным

лицам. Более того, часть 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, освобождая от доказывания фактических обстоятельств дела, не исключает их различной правовой оценки.

В нарушение положений названной статьи и статьи 185 АПК РФ суды первой и апелляционной инстанций должным образом не исследовали и не оценивали доказательства, на которые ссылалось агентство в подтверждение своих доводов о неравноценности полученного банком «Енисей» предоставления.

Эти недостатки не были устранены судом округа.

Суды признали факт погашения векселей карьероуправлением обстоятельством, исключающим необходимость исследования их рыночной стоимости. При этом вывод об исполнении вексельных обязательств карьероуправлением основан лишь на его письме и не подкреплен ссылками на конкретные документы. Карьероуправление, несмотря на неоднократные требования суда, не раскрыло сделки (операции), которыми оно прекращало вексельные обязательства, момент совершения данных сделок, их участников.

Суды не приняли во внимание то, что векселя как ценные бумаги могут быть признаны ликвидными, если обязанные лица, в частности векселедатель, в состоянии произвести по ним расчеты с любым законным векселедержателем, обратившимся с требованием о платеже. Предполагается, что таким признакам отвечают ценные бумаги, которые выданы, индоссированы или авалированы лицами, чье имущественное положение благополучно.

Само же по себе погашение долга векселедателем, находящимся в имущественном кризисе, одному конкретному держателю векселя, особенно в ситуации, когда вексельное обязательство прекращается неденежным предоставлением, не свидетельствует о ликвидности ценной бумаги и может быть обусловлено наличием особых отношений между векселедателем и векселедержателем.

Факт последующего получения банком «Енисей» за векселя карьероуправления встречного предоставления, равнозначного номинальной стоимости самих ценных бумаг, который бы свидетельствовал об отсутствии вреда конкурсной массе банка «Енисей», не был установлен судами.

Банк России 22.03.2017 (через полтора месяца после передачи векселей банку «Енисей») подал в арбитражный суд заявление о признании авалиста (банка «Нефтяной Альянс») несостоятельным (банкротом), которое мотивировано превышением совокупного размера его обязательств над совокупной стоимостью активов. На основании этого заявления 12.07.2017 в отношении банка «Нефтяной Альянс» открыта процедура конкурсного производства.

Поскольку кризисная ситуация возникает в кредитной организации, как правило, постепенно, развиваясь и нарастая, у судов не имелось оснований полагать, что в момент передачи векселей карьероуправления банку «Енисей» (07.02.2017) их ликвидность обеспечивалась реальной возможностью авалиста (банка «Нефтяной Альянс») исполнить вексельные обязательства.

При таких обстоятельствах, вопрос о рыночной стоимости полученных банком «Енисей» векселей входил в предмет доказывания по настоящему обособленному спору. Выводы судов об обратном нельзя признать верными.

Указав, с одной стороны, на отсутствие необходимости исследования действительной стоимости ценных бумаг, суды, с другой стороны, сослались на доказательства, представленные процессуальными оппонентами агентства, касающиеся имущественного положения карьероуправления, которым как раз и определяется рыночная стоимость бумаг, и одновременно уклонились от оценки доводов агентства и его доказательств, опровергающих возражения по поводу реального положения дел векселедателя.

В частности, вывод судов о наличии у карьероуправления финансовой возможности произвести оплату по векселям мотивирован тем, что указанное управление владело векселями ряда крупных кредитных организаций, оно в 2016 году получило кредиты на сумму свыше 2 млрд. рублей.

Вместе с тем наличие у векселедателя в какой-то момент времени значительного актива без проверки совокупного размера его обязательств не свидетельствует об истинных финансовых возможностях векселедателя.

При этом агентство ставило под сомнение действительность оборота векселей банков ВТБ, «Санкт-Петербург», «Промсвязьбанк», «Сбербанк», «Глобэксбанк» по цепочке сделок через общество «Строймаг», реальность их получения карьероуправлением. Доводы агентства в этой части суды не исследовали. Агентство обращало внимание на то, что даже если векселя указанных банков и поступили в фактическое владение карьероуправления, оно не являлось платежеспособным в момент выдачи собственных векселей, что подтверждено определением от 14.06.2019 по делу № А23-8191/2017 Арбитражного суда Калужской области, согласно которому после смены акционеров (29.03.2016) карьероуправлением совершены действия, направленные на отчуждение принадлежащего ему имущества. Этот довод агентства также был проигнорирован судами.

Суды отказались исследовать отчет о стоимости векселей карьероуправления, представленный агентством, согласно которому рыночная стоимость ценных бумаг многократно ниже договорной цены, по которой банком «Енисей» уступлены требования и реализованы заложенные.

Уклонились суды и от проверки доводов агентства о согласованности действий участников спорных отношений, нетипичности (с точки зрения нормального гражданского оборота) совершенных ими сделок. Данные доводы агентство приводило в качестве косвенных свидетельств направленности действий ответчиков на причинение вреда конкурсной массе банка «Енисей». По мнению агентства, для обществ

«Випстайл», «Триумф», «Центрум» и «Ювеста», созданных незадолго до спорных сделок от 30.01.2017 и 02.02.2017, действия по приобретению имущественных прав и заложенных у банка «Енисей» являлись первыми крупными операциями, собственных средств для оплаты они не имели, в переговорах не участвовали. Несмотря на это общество «Строймаг», будучи агентом банка «Енисей», поручилось за названные общества, а затем досрочно (уже 07.02.2017) передало в счет исполнения их обязательств векселя карьероуправления, которые получило в обмен на собственные векселя. При этом, как отмечало агентство, другими судебными актами по делу № А33-4262/2017 установлено создание в это же время руководителем общества «Строймаг» и банком «Енисей» фиктивных банковских проводок на сумму 130 000 000 рублей якобы по займу, предоставленному банку руководителем общества «Строймаг».

[Определение ВС РФ от 04.03.2021 № 305-ЭС20-5112 \(8\)](#)

Для признания недействительными текущих платежей, перечисленных в пользу кредитора должником, конкурсный управляющий должен доказать совокупность следующих обстоятельств: осведомленность кредитора о нарушении принятым им исполнением очередности совершения текущих платежей, а также недостаточность конкурсной массы для удовлетворения текущих платежей, имевших приоритет над погашенными. В случае недоказанности недобросовестности кредитора по текущим платежам, в частности, наличия у такого кредитора доступа к реестру текущих обязательств или иным документам, которые содержали бы информацию об очередности проведения расчетов по текущим платежам, в признании такого платежа недействительным должно быть отказано.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) центра его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительными операций по перечислению обществу 802 549 рублей 20 копеек, совершенных центром в период с 23.09.2016 по 28.07.2017.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено частично: признаны недействительными два платежа от 23.09.2016 на 170 000 рублей каждый и один платеж от 28.07.2017 на 292 549 рублей 20 копеек, применены последствия их недействительности в виде взыскания с общества в пользу центра 632 549 рублей 20 копеек; в удовлетворении требования о признании недействительным платежа от 23.09.2016 на 170 000 рублей на основании счета от 01.09.2016 № 87 за оказанные в августе 2016 года услуги отказано.

11.02.2015 центр (заказчик) и общество (исполнитель) заключили договор возмездного оказания услуг по охране имущества.

После возбуждения в отношении центра дела о несостоятельности (26.08.2016) он оплатил часть оказанных услуг, перечислив обществу: 23.09.2016 – 170 000 рублей (оплата услуг за июнь 2016 года); 23.09.2016

– 170 000 рублей (оплата услуг за июль 2016 года); 23.09.2016 – 170 000 рублей (оплата услуг за август 2016 года); 28.07.2017 – 292 549 рублей 20 копеек.

Судебная коллегия нашла правильными выводы судов по требованиям конкурсного управляющего о признании недействительными платежей, совершенных в счет оплаты услуг за июнь – июль 2016 года.

В соответствии с пунктом 3 статьи 61.1, пунктом 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве расчетная операция, совершенная должником в отношении отдельного кредитора после принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом, может быть признана недействительной, если она повлекла за собой оказание предпочтения кредитору – получателю средств по отношению к другим кредиторам. Как разъяснено в пункте 11 постановления № 63, для признания такой операции недействительной достаточно обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве, наличия иных обстоятельств, предусмотренных пунктом 3 данной статьи (в частности, недобросовестности контрагента), не требуется.

Отступление от приведенных правил предусмотрено пунктом 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве, которым исключена возможность признания недействительными сделок (действий), повлекших предпочтительное удовлетворение требований кредиторов, если они совершены в обычной хозяйственной деятельности, осуществляемой должником (при условии соответствия цены сделки (операции) пороговому значению, установленному данной нормой).

В рассматриваемом случае судами первой и апелляционной инстанций установлено, что расчетные операции за оказанные в июне – июле 2016 года услуги совершены после возбуждения дела о банкротстве центра. В этой части расчеты с обществом произведены в ситуации неисполнения обязательств перед иными кредиторами той же и приоритетных очередностей удовлетворения, чьи требования остались непогашенными, то есть общество получило исполнение в большем размере по сравнению с тем, на что оно могло рассчитывать в случае проведения с ним расчетов в порядке, установленном законодательством о несостоятельности. Суды также установили, что спорные перечисления не отвечают признакам платежей, совершенных в процессе обычной хозяйственной деятельности, учтя разъяснения, приведенные в пункте 14 постановления № 63.

При таких обстоятельствах, на основании абзаца пятого пункта 1, пункта 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве судами обоснованно признаны недействительными платежи, совершенные в счет оплаты услуг за июнь – июль 2016 года.

Между тем, признавая недействительным платеж от 28.07.2017 на сумму 292 549 рублей 20 копеек, суды не учли следующее.

Данным платежом погашена задолженность перед обществом за услуги, оказанные в сентябре – октябре 2016 года.

В силу статьи 5, пункта 1 статьи 134 Закона о банкротстве, разъяснений, данных в пункте 2 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» требование общества об оплате услуг, оказанных в сентябре – октябре 2016 года (после возбуждения дела о банкротстве центра), во исполнение договора, заключенного до дня принятия заявления о признании центра банкротом, подлежало квалификации как текущее.

При разрешении спора в этой части, судам следовало принять во внимание разъяснения, приведенные в пункте 13 постановления № 63, по смыслу которых текущие операции могут быть признаны недействительными при наличии совокупности обстоятельств:

осведомленность кредитора о нарушении принятым им исполнением очередности совершения текущих платежей (его осведомленности о погашении текущего долга преимущественно перед уже ожидающими исполнения кредиторами приоритетной очередности удовлетворения, а для текущих требований, относящихся к одной очереди, – о нарушении календарной очередности); недостаточность конкурсной массы для удовлетворения текущих платежей, имевших приоритет над погашенным.

Оспаривающий текущие операции конкурсный управляющий должен был представить конкретные доказательства недобросовестности общества, в частности подтвердить, что оно имело доступ к реестру текущих обязательств или иным документам, которые содержали информацию об очередности проведения расчетов по текущим платежам.

Суды констатировали отсутствие в материалах дела такого рода доказательств, в связи с чем отказали в признании недействительным платежа на сумму 170 000 рублей (оплата текущих услуг за август 2016 года). Управляющим не представлялись такого рода доказательства и применительно к требованию об оспаривании текущего платежа на сумму 292 549 рублей 20 копеек за услуги, оказанные позднее – в сентябре и октябре 2016 года. Поэтому у судов не имелось оснований для признания недействительной названной расчетной операции.

[Определение ВС РФ от 04.03.2021 № 305-ЭС17-2507\(21\)](#)

По общему правилу периоды подозрительности в деле о банкротстве должника исчисляются с даты принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом (статьи 61.2, 61.3 Закона о банкротстве). Такой датой является дата принятия судом первого заявления независимо от того, какое заявление впоследствии будет признано обоснованным. Определение периода подозрительности исходя из даты возбуждения дела о банкротстве по заявлению, впоследствии признанному обоснованным, ошибочна. Передача ранее возбужденного дела о банкротстве по подсудности на рассмотрение другого арбитражного суда на исчисление периода подозрительности не влияет.

В рамках дела о банкротстве управления уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительной операции по перечислению должником в пользу общества «Самори-Трейд» денежных средств в размере 1 286 834 руб.

Судами первой инстанции и округа в удовлетворении заявления отказано.

18.04.2014 с расчетного счета должника в пользу общества «Самори-Трейд» перечислены 1 286 834 руб.

Определением от 19.09.2014 по делу № А40-128001/2014 принято к производству заявление индивидуального предпринимателя Кинаша Олега Владимировича (предприниматель) о признании управления несостоятельным (банкротом), которое впоследствии объединено с делом № А40-90623/2013.

Определением того же суда от 09.03.2016 к рассмотрению дела о банкротстве должника применены правила параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве.

Определением того же суда от 09.03.2016 к рассмотрению дела о банкротстве должника применены правила параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве; дело о банкротстве № А40-90623/2013 передано по подсудности в Арбитражный суд Московской области, где ранее (14.01.2016) по заявлению общества «Торговая Компания «Русский бизнес» в отношении управления возбуждено дело № А41-1022/2016.

Таким образом, дата возбуждения дела о банкротстве управления, в любом случае, не может быть позже 19.09.2014, на что указано судом апелляционной инстанции.

Как пояснили в судебном заседании представители уполномоченного органа, финансовые трудности управление начало испытывать еще с 2011 года, при этом впоследствии ситуация не улучшалась; выборочное погашение требований отдельно взятых кредиторов обусловлено исключительно недобросовестными действиями контролирующих должника лиц, имеющих своей целью избежать оспаривания сделок по специальным основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, путем изменения периодов подозрительности.

Установление ретроспективного периода подозрительности позволит проверить те сделки, которые совершались в искусственно созданных самим должником условиях видимости его финансового благополучия, но в действительности были направлены на вывод ликвидных активов управления с недобросовестными целями.

В то же время в ситуации неопределенности относительно статуса дела о банкротстве (систематической подачей кредиторами заявлений о банкротстве и последующего погашения требований этих кредиторов) при фактическом продолжении должником своей хозяйственной деятельности, связанной в том числе с разрешением вопросов социального характера, следует исходить из того, что значительное количество совершаемых управлением в этот период времени сделок было направлено на достройку объектов незавершенного строительства многоквартирных домов, что предполагает их отнесение к категории обычных хозяйственных (пункт 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве).

В настоящее время реестр требований кредиторов управления фактически сформирован, частично осуществлены расчеты с кредиторами, в том числе с гражданами - участниками строительства. При этом доказательства представления возражений относительно квалификации (реестровые, текущие) признанных обоснованными требований кредиторов должника, а также правомерности их удовлетворения, отсутствуют.

Установление судами иного периода подозрительности для целей оспаривания совершенных должником сделок само по себе не является обстоятельством, влекущим пересмотр уже проверенных судами требований кредиторов должника (пункт 6 статьи 16 Закона о банкротстве) по правилам главы 37 АПК РФ, а также внесение изменений в реестр. В противном случае нарушается принцип правовой определенности, что ведет к дестабилизации сложившихся материальных правоотношений.

[Определение ВС РФ от 09.03.2021 № 307-ЭС19-20020 \(9\)¹](#)

Правонарушение, заключающееся в необоснованном принятии должником на себя дополнительных долговых обязательств и (или) в необоснованной передаче им имущества другому лицу, причиняющее ущерб конкурсной массе и, как следствие, наносящее вред имущественным правам кредиторов должника, например, вследствие неравноценности встречного исполнения со стороны контрагента должника, является основанием для признания соответствующих сделок, действий недействительными по специальным правилам, предусмотренным статьей 61.2 Закона о банкротстве. Оспаривание таких сделок, действий на основании статей 10 и 168 ГК РФ возможно лишь в том случае, когда речь идет о сделках с пороками, выходящими за пределы дефектов подозрительных сделок.

При исследовании вопроса об истечении срока исковой давности по требованию о признании сделки недействительной суду необходимо установить, когда первый уполномоченный на оспаривание сделок арбитражный управляющий должен был (имел реальную возможность) узнать о сделке и о нарушении этой сделкой прав кредиторов должника.

В рамках дела о банкротстве общества «Грама» его конкурсный управляющий Лазарев Д.Ю. 20.12.2018 обратился в суд с заявлением о признании недействительными:

соглашения от 20.04.2015 № 1 о переводе долга по договору поставки лекарственных средств и медикаментов от 16.11.2009 перед компанией с торгового дома на общество «Грама»;

платежей на общую сумму 9 816 900 рублей 19 копеек, совершенных обществом «Грама» в пользу компании на основании соглашения о переводе долга в период с 05.05.2015 по 29.05.2015.

Судами апелляционной инстанции и округа требования удовлетворены.

См. также [Определение ВС РФ от 09.03.2021 № 307-ЭС19-20020 \(8, 10\)](#)

08.04.2016 возбуждено дело о банкротстве общества «Грама», 02.08.2016 в отношении него введена процедура наблюдения (временным управляющим утверждена Барановская Ю.В.), 22.11.2016 – процедура внешнего управления (внешним управляющим утверждена также Барановская Ю.В.).

Компания в суде первой инстанции заявила о пропуске срока исковой давности на оспаривание соглашения о переводе долга и платежей общества «Грама».

Правонарушение, заключающееся в необоснованном принятии должником дополнительных долговых обязательств и (или) в необоснованной передаче им имущества другому лицу, причиняющее ущерб

конкурсной массе и, как следствие, наносящее вред имущественным правам кредиторов должника, например, вследствие неравноценности встречного исполнения со стороны контрагента должника, является основанием для признания соответствующих сделок, действий недействительными по специальным правилам, предусмотренным статьей 61.2 Закона о банкротстве.

Вопрос о допустимости оспаривания таких сделок, действий на основании статей 10 и 168 ГК РФ неоднократно рассматривался Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (постановление Президиума ВАС РФ от 17.06.2014 № 10044/11, определения ВС РФ от 24.10.2017 № 305-ЭС17-4886(1), от 31.08.2017 № 305-ЭС17-4886, от 17.12.2018 № 309-ЭС18-14765, от 06.03.2019 № 305-ЭС18-22069 и др.).

Согласно сложившейся судебной практике, применение статьи 10 Гражданского кодекса возможно лишь в том случае, когда речь идет о сделках с пороками, выходящими за пределы дефектов подозрительных сделок.

Закрепленные в статье 61.2 Закона о банкротстве положения о недействительности сделок, направленные на пресечение возможности извлечения преимуществ из недобросовестного поведения, причиняющего вред кредиторам должника, обладают приоритетом над нормами статьи 10 Гражданского кодекса исходя из общеправового принципа «специальный закон отстраняет общий закон», определяющего критерий выбора в случае конкуренции общей и специальной норм, регулирующих одни и те же общественные отношения.

При этом сделки, указанные в статье 61.2 Закона о банкротстве, являются оспоримыми и на них распространяется годичный срок исковой давности, установленный пунктом 2 статьи 181 ГК РФ.

В постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.06.2014 № 10044/11 особо обращено внимание на недопустимость квалификации сделок с предпочтением или подозрительных сделок как ничтожных в целях обхода правил о сроке исковой давности по оспоримым сделкам.

Вмененные компании нарушения в полной мере укладывались в диспозицию статьи 61.2 Закона о банкротстве, подлежащей применению в качестве специального средства противодействия недобросовестным действиям в преддверии банкротства, грубо нарушающим права кредиторов.

С учетом изложенного оснований для применения к спорным отношениям статьи 10 ГК РФ и, как следствие, трехлетнего срока исковой давности не имелось.

Разъяснения относительно определения момента, с которого начинается течь годичный срок исковой давности при оспаривании арбитражным управляющим подозрительных сделок, даны в абзаце втором пункта 32 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Срок исковой давности исчисляется с момента, когда первоначально утвержденный внешний или конкурсный управляющий узнал или должен был узнать о наличии оснований для оспаривания сделки, предусмотренных статьей 61.2 Закона о банкротстве.

Таким образом, вопреки позиции судов законодательство связывает начало течения срока исковой давности, прежде всего, с моментом, когда первый уполномоченный на оспаривание сделок арбитражный управляющий должен был, то есть имел реальную возможность, узнать о сделке и о нарушении этой сделкой прав кредиторов.

При таких обстоятельствах, судам следовало проверить, должна ли была Барановская Ю.В. при надлежащем проведении анализа финансового состояния общества «Грама» еще в процедуре наблюдения узнать об имущественном положении последнего, о заключении им спорного соглашения, наличии у торгового дома непогашенной задолженности по данному соглашению и о проведении на основании указанного соглашения платежей в пользу компании. Без выяснения названных обстоятельств невозможно правильно определить начало течения годичного срока исковой давности по заявлению конкурсного управляющего. Однако суды соответствующую проверку не провели.

Требование Латышева М.М. к обществу «Грама», основанное на вексельных обязательствах, признано необоснованным вступившим в законную силу постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.04.2019 по настоящему делу, в связи с чем необходимо исследовать вопрос о наличии у него в материальном смысле права на иск об оспаривании сделок общества «Грама» (статья 61.9 Закона о банкротстве).

Общество «Легал Хэлп» является правопреемником другого кредитора – общества с ограниченной ответственностью «Империя-Содружество», чьи требования 16.11.2016 (в процедуре наблюдения) включены в реестр требований кредиторов общества «Грама» (определения от 16.11.2016 и 26.09.2018 по настоящему делу). Как видно из определения суда первой инстанции о включении требований правопреемника общества «Легал Хэлп» в реестр требований кредиторов общества «Грама», требования правопреемника основаны, в том числе, на соглашениях от 28.04.2015, по которым общество «Грама» приняло на себя долги торгового дома перед одной из фармацевтических организаций – организацией «Босналек д.д.» (с использованием конструкций уступки требования и передачи договорной позиции); правопреемник общества «Легал Хэлп» выдал поручительство за общество «Грама» (нового должника). При этом обеспечение друг за друга, как правило, выдают аффилированные лица, которые обычно располагают информацией о значимых сделках друг друга.

Судам следовало проверить, были ли аффилированы между собой правопреемник общества «Легал Хэлп» и общество «Грама», выяснить мотивы предоставления правопреемником общества «Легал Хэлп» обеспечения по обязательствам общества «Грама» и по результатам рассмотрения указанных вопросов определить момент, с которого правопреемник общества «Легал Хэлп», проявляя требуемую в подобных случаях степень заботливости и предусмотрительности, должен был узнать об обстоятельствах заключения и исполнения оспариваемого договора о переводе долга перед компанией.

[Определение ВС РФ от 17.03.2021 № 302-ЭС20-19914](#)

Оспаривание сделок должника в деле о банкротстве последнего осуществляется в интересах конкретного заявителя лишь косвенно, поскольку сам заявитель не является стороной оспариваемой сделки и результат судебного спора на права кредитора напрямую не влияет. При отказе инициатора обособленного спора в деле о банкротстве от своих требований прекращаются его полномочия как представителя должника (или группы кредиторов). В таком случае арбитражный суд должен вынести определение об отложении судебного разбирательства и предложить произвести замену инициатора обособленного спора.

Невозможность повторного обращения в суд с тождественным требованием при прекращении спора по такому требованию обусловлена тем, что по правилам обычного группового иска участник группы вправе выбирать, присоединиться ли ему к групповому иску или защищать свои права посредством индивидуального обращения в суд. Прекращение дела по групповому иску не лишает его права на индивидуальный. В деле о банкротстве у заявителя такого выбора нет, так как в силу закона требования имеют всегда групповой характер, и кредиторы присоединяются к заявлению инициатора обособленного спора вынужденно и автоматически. Поэтому, если суд прекратил производство по первоначальному заявлению, то последующее заявление опять будет таким же групповым иском с участием той же группы. Рассмотрение последнего будет противоречить принципу правовой определенности и правилам заявления тождественных исков.

22.09.2015 возбуждено дело о банкротстве общества "ИркутскСтройЦентр", 20.06.2016 оно признано банкротом, открыто конкурсное производство.

24.07.2019 ООО "Вента Строй" потребовало признать недействительным соглашение от 14.08.2015, согласно которому находившиеся в правоотношениях по договору лизинга от 04.09.2012 общество "Лизинговая компания Титан" (лизингодатель) и общество "ИркутскСтройЦентр" (лизингополучатель)

заменили лизингополучателя на общество "Строительная компания "БайкалБизнесСтрой". По договору лизинга общество "ИркутскСтройЦентр" получило два самосвала, право собственности на которые по истечении 36-ти месяцев при уплате лизинговых платежей переходило лизингополучателю. По условиям оспоренного соглашения самосвалы переданы обществу "Строительная компания "БайкалБизнесСтрой", на момент замены лизингополучателя из 6 208 840,16 руб. лизинговых платежей уже уплачено 5 828 645,46 руб., условий о встречном предоставлении со стороны нового лизингополучателя в адрес прежнего в соглашении не было.

Заявитель полагал, что оспариваемая сделка совершена между аффилированными лицами с целью причинения вреда кредиторам должника в условиях неплатежеспособности последнего, в связи с чем потребовал взыскать с общества нового лизингополучателя в пользу должника 5 828 645,46 руб.

Конкурсный управляющий должника и его кредиторы (Федеральная налоговая служба и общество с ограниченной ответственностью "Афина Паллада") поддержали требования общества "Вента Строй".

Впоследствии общество "Вента Строй" в суде первой инстанции отказалось от заявленных требований в полном объеме. Конкурсный управляющий участвовал в судебном заседании и возражал против прекращения производства по обособленному спору.

Определением суда первой инстанции от 16.01.2020, оставленным без изменения постановлениями апелляционного и окружного судов от 25.05.2020 и от 28.08.2020, принят отказ от требований, производство по обособленному спору прекращено. Суды руководствовались статьями 49 и 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ). Выводы судов мотивированы тем, что отказ от заявленных требований не противоречит закону и не нарушает права других лиц, а понуждение общества "Вента Строй" к продолжению участия в судебном споре противоречило бы принципу свободного распоряжения гражданскими правами и могло бы его вынудить нести судебные расходы. Прочие лица, участвовавшие в обособленном споре и не являвшиеся заявителями, не лишены правовой возможности по оспариванию сделки должника непосредственно либо через конкурсного управляющего.

В кассационной жалобе конкурсный управляющий просил судебные акты отменить, ссылаясь на нарушение судами требований Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (далее – Закон о банкротстве). Заявитель полагает, что судами неправильно применены нормы права, регулирующие оспаривание сделок должника-банкрота, так как при наличии лиц, желающих продолжить ранее инициированный судебный спор, суд не вправе прекратить производство по делу.

По результатам рассмотрения кассационной жалобы судебная коллегия пришла к следующим выводам.

Предметом кассационной жалобы явилось разрешение вопроса о праве суда, рассматривающего в деле о банкротстве обособленный спор об оспаривании сделки должника-банкрота, прекратить производство по этому спору в связи с отказом заявителя (инициатора обособленного спора) от своих требований, если прочие лица, участвовавшие в деле и имевшие право на инициализацию такого спора (конкурсный управляющий, конкурсные кредиторы, уполномоченный орган), изъявили желание продолжить судебное разбирательство до принятия решения по существу судебного спора.

Судебная защита прав и свобод каждого гарантирована Конституцией Российской Федерации (часть 1 статьи 46).

В силу принципов диспозитивности арбитражного процесса (статьи 4, 49 АПК РФ и др.) и свободного распоряжения своими гражданскими правами (пункт 1 статьи 9 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ) судебное производство в арбитражном суде по общему правилу возбуждается не иначе как по воле заинтересованного лица, полагающего, что нарушены или оспариваются его права и законные интересы (часть 1 статьи 4, части 2, 3 статьи 127 АПК РФ).

Следуя этим принципам, в дальнейшем истец волен как добиваться судебного решения по существу заявленного иска, так и отказаться от иска полностью или частично (часть 2 статьи 49 АПК РФ). Как правило, отказ лица от судебной защиты после возбуждения судебного дела из-за потери интереса или по иным причинам, выраженный в отказе от иска, влечет прекращение производства по делу (пункт 4 части 1 статьи 150 АПК РФ).

Однако, если это противоречит закону или нарушает права других лиц, то в силу части 5 статьи 49 АПК РФ арбитражный суд вправе не принять отказ от иска и продолжить рассматривать дело по существу.

Оспаривание сделок должника в деле о банкротстве последнего осуществляется в интересах конкретного заявителя лишь косвенно, поскольку сам заявитель не является стороной оспариваемой сделки и результат судебного спора на права кредитора напрямую не влияет. Прямым результатом применения последствий недействительности сделки является восстановление прав должника – возвращение в конкурсную массу его имущества в натуральном или денежном выражении или освобождение от обязательств. Только за счет этого впоследствии увеличивается вероятность удовлетворения требований инициатора обособленного спора наравне с прочими кредиторами.

Таким образом, при оспаривании сделки в деле о банкротстве материально-правовые интересы группы кредиторов несостоятельного лица противопоставляются интересам выгодоприобретателей по сделке. Действуя от имени должника (его конкурсной массы) в силу полномочия, основанного на законе (пункты 1, 2 статьи 61.9 Закона о банкротстве), инициатор обособленного спора, по существу, выступает в роли представителя должника, а косвенно – группы его кредиторов.

В связи с этим вопрос об обязательности отказа от требований, совершенного инициатором обособленного спора, для прочих лиц, уполномоченных подавать заявления об оспаривании сделки должника, может быть разрешен применительно к правовым нормам, регулирующим сходные правоотношения: главе 28.2 АПК РФ о рассмотрении дел о защите прав и законных интересов группы лиц, пункту 2 статьи 65.2 ГК РФ (здесь и далее нормы главы 28.2 АПК РФ и статьи 62.2 ГК РФ воспроизведены для применения по аналогии).

На рассмотрение требований кредиторов по правилам групповых исков законодательство о банкротстве в некоторых случаях указывает прямо (например, пункт 2 части 4 статьи 61.19 Закона о банкротстве).

Следуя пункту 1 части 4 статьи 225.10-1 и части 2 статьи 225.15 АПК РФ, в которых урегулированы последствия отказа представителя группы лиц от иска, при отказе инициатора обособленного спора в деле о банкротстве от своих требований прекращаются его полномочия как представителя должника (или группы кредиторов). В таком случае арбитражный суд должен вынести определение об отложении судебного разбирательства и предложить произвести замену инициатора обособленного спора.

В определении указывается следующее:

во-первых, необходимость замены инициатора обособленного спора другим лицом из числа лиц, уполномоченных подавать заявления об оспаривании сделки должника (часть 3 статьи 225.15 АПК РФ) посредством представления в суд заявления о замене заявителя;

во-вторых, срок, в течение которого в суд должно поступить указанное заявление, не превышающий двух месяцев со дня вынесения определения;

в-третьих, последствия невыполнения замены заявителя в виде принятия судом отказа от иска и прекращения производства по обособленному спору в порядке, установленном статьей 151 АПК РФ (часть 7 статьи 225.15 АПК РФ);

в-четвертых, невозможность последующего обращения в суд с требованиями к тому же ответчику, по тому же предмету и тем же основаниям для лиц, уполномоченных подавать заявление об оспаривании сделки должника на момент истечения срока предъявления в суд заявления о замене заявителя (часть 3 статьи 151 АПК РФ).

Невозможность повторного обращения в суд с тождественным требованием обусловлена тем, что по правилам обычного группового иска участник группы вправе выбирать, присоединиться ли ему к групповому иску или защищать свои права посредством индивидуального обращения в суд. Прекращение дела по групповому иску не лишает его права на индивидуальный. В деле о банкротстве у заявителя такого выбора нет, так как в силу закона требования имеют всегда групповой характер, и кредиторы присоединяются к заявлению инициатора обособленного спора вынужденно и автоматически. Поэтому, если суд прекратил производство по

первоначальному заявлению, то последующее заявление опять будет таким же групповым иском с участием той же группы. Рассмотрение последнего будет противоречить принципу правовой определенности и правилам заявления тождественных исков (пункт 3 части 1 статьи 150 АПК РФ).

Следует заметить, что последствия неприсоединения к групповому иску без уважительных причин, установленные в пункте 7 статьи 225.16 АПК РФ, также сводятся к запрету на тождественный иск. Аналогичный запрет установлен и для участника корпорации, не присоединившегося к иску другого участника корпорации или корпорации в целом по требованию о признании сделки корпорации недействительной. Исключение составляет наличие уважительных причин, объективно препятствовавших участнику корпорации присоединиться к иску (пункт 2 статьи 65.2 ГК РФ). Для кредитора таковыми могут быть, например, тот факт, что судебное решение, подтверждающее задолженность перед ним (или иной документ – для случаев взыскания задолженности во внесудебном порядке), не вступило в законную силу (пункт 57 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве"), как следствие, не подтвержден и статус кредитора.

Конкурсный управляющий участвует во всех обособленных спорах в деле о банкротстве должника, а лица, участвующие в деле о банкротстве (в частности, конкурсные кредиторы, уполномоченный орган), в силу части 6 статьи 121 АПК РФ после получения первого судебного уведомления обязаны и имеют техническую и правовую возможности самостоятельно отслеживать движение дела о банкротстве посредством электронных сервисов. Поэтому у арбитражного суда нет необходимости обязывать инициатора обособленного спора уведомлять о своем отказе иных лиц, как это предусмотрено в части 3 статьи 225.15 АПК РФ. Достаточно указать эти сведения в судебном определении и разместить его электронную версию в режиме общего доступа.

В том случае, если наряду с инициатором в обособленном споре участвует иной конкурсный кредитор, уполномоченный орган или конкурсный управляющий и в судебном заседании при рассмотрении заявления об отказе от требований он заявил о готовности встать на место инициатора обособленного спора, суд вправе произвести такую замену в этом же судебном заседании и продолжить рассмотрение обособленного спора.

Если в течение срока, установленного арбитражным судом в определении, в суд поступило заявление о замене инициатора обособленного спора, то после проверки соответствия этого лица требованиям статьи 61.9 Закона о банкротстве суд прекращает производство по обособленному спору в отношении его инициатора, производит замену заявителя и продолжает рассматривать обособленный спор по существу, о чем выносит определение (часть 6 статьи 225.15 АПК РФ).

В противном случае суд принимает отказ инициатора обособленного спора от заявления (от иска) как заявленный от имени всей группы и прекращает производство по обособленному спору (часть 7 статьи 225.15 АПК РФ).

При таком подходе соблюдается баланс интересов всех лиц, участвующих в обособленном споре, в том числе и в вопросе распределения судебных расходов.

Из материалов данного обособленного спора следует, что конкурсный управляющий участвовал в судебных заседаниях по обособленному спору, инициированному обществом "Вента Строй", занимал активную процессуальную позицию, представил отзыв на заявление общества "Вента Строй", изложив собственные аргументы по квалификации оспоренной сделки и настаивая на ее недействительности. Конкурсный управляющий участвовал и в судебном заседании, где рассматривалось заявление об отказе от требований, возражал против прекращения производства по обособленному спору, настаивая на его продолжении и разрешении спора по существу.

Таким образом, суду первой инстанции следовало рассмотреть вопрос о замене общества "Вента Строй" на конкурсного управляющего и дальнейшие процессуальные действия предпринять в зависимости от его решения.

При разрешении спора о признании сделки должника недействительной, совершенной с предпочтением, суду необходимо выяснить вопрос относительно того, за счет каких денежных средств произведен платеж по такой сделке, установить, произведен ли платеж за счет имущества должника, или источником денежных средств, за счет которых произведено исполнение сделки, является имущество иного лица. Установление источника денежных средств, направленных на погашение требования кредитора, имеет ключевое значение для правильного разрешения спора, так как от него зависит возможность квалификации сделки как совершённой за счёт должника.

Поэтому при оспаривании в деле о банкротстве операций, совершённых третьим лицом в пользу контрагента должника, необходимо проверить, принадлежало ли переданное по сделке имущество должнику либо подлежало ли это имущество предварительной передаче должнику. Если оспариваемый платёж за должника совершён его супругом как созаёмщиком по кредитному договору, необходимо выяснить вопрос о том, совершён ли платёж за счёт должника (и соответственно, допустимо ли его оспаривать в рамках дела о банкротстве должника). Если будет установлено, что платеж был осуществлен за счет личных средств супруга (например, полученных в дар), такой платеж не может оспариваться в деле о банкротстве должника, за которого такой платеж был осуществлен.

В рамках дела о банкротстве должника его финансовый управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительной сделки по погашению 125 091 рубля 23 копеек в пользу банка, применении последствий недействительности сделки.

Судами трех инстанций вышеуказанная сделка признана недействительной, применены последствия недействительности в виде взыскания с общества «Сбербанк России» в пользу должника 125 091 рубля 23 копеек.

26.01.2015 между должником, Пугачёвой Дарьей Андреевной, Ильяровым Юрием Вачагановичем и обществом «Сбербанк России» заключен кредитный договор № 2490 (кредитный договор), по условиям которого кредитор обязуется предоставить созаёмщикам на условиях солидарной ответственности кредит «Приобретение готового жилья» в сумме 760 000 рублей под 14,75% годовых на срок 240 месяцев. В силу пункта 8 кредитного договора и общих условий кредитования погашение кредита производится созаёмщиками ежемесячными аннуитетными платежами в соответствии с графиком платежей путём перечисления со счёта созаёмщика или третьего лица, открытого у кредитора. Созаёмщики вправе досрочно погасить кредит или его часть.

В качестве обеспечения своевременного и полного исполнения обязательств по кредитному договору созаёмщики предоставляют кредитору в залог квартиру.

Решением от 08.12.2017 должник признан несостоятельным (банкротом), введена процедура реализации имущества должника, финансовым управляющим утверждён Гвоздевский А.В.

В соответствии с историей операций по кредитному договору, Пугачёвой Д.А. в счёт досрочного погашения основного долга совершён платёж в сумме 125 091 рубля 23 копеек (платёж), в результате которого долг по кредитному договору был полностью погашен. Обременение с объекта ипотеки снято, квартира исключена из конкурсной массы должника как единственное жилье определением от 13.06.2018 по настоящему делу.

Полагая, что вышеуказанный платёж повлек за собой преимущественное удовлетворение требований общества «Сбербанк России» как кредитора должника, финансовый управляющий, ссылаясь на положения статей 61.1 и 61.3 Закона о банкротстве, обратился в суд с настоящим заявлением об оспаривании сделки.

Согласно положениям пункта 1 статьи 61.1, абзаца пятого пункта 1 и пункта 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве могут быть признаны недействительными совершенные после возбуждения дела о банкротстве с предпочтением платежа, которые осуществлены должником или за его счёт.

Круг сделок, совершённых за счёт должника, предполагает отнесение к ним:

во-первых, действий третьих лиц по передаче имущества контрагенту должника несмотря на то, что это имущество предварительно должно было быть передано самому должнику;

во-вторых, действий третьих лиц по распоряжению имуществом, принадлежащим должнику.

Таким образом, при оспаривании в деле о банкротстве операций, совершённых третьим лицом в пользу контрагента должника, необходимо проверить, принадлежало ли переданное по сделке имущество должнику либо подлежало ли это имущество предварительной передаче должнику.

Судами установлено, что оспариваемый платёж совершён женой должника Пугачёвой Д.А. как созаёмщиком по кредитному договору после возбуждения дела о банкротстве. Полагая, что данный платёж является недействительным, суды апелляционной инстанции и округа исходили из нарушения установленного порядка погашения требований по общим обязательствам супругов.

Вместе с тем, ни судом первой инстанции, ни судами апелляционной инстанции и округа вопрос о том, совершён ли платёж за счёт должника (и соответственно, допустимо ли его оспаривать в рамках настоящего дела о банкротстве) фактически не был исследован.

Положениями пункта 1 статьи 34 СК РФ установлена презумпция совместной собственности супругов в отношении имущества, нажитого во время брака. Однако при рассмотрении обособленного спора Пугачёва Д.А. ссылалась на то, что операция совершена ею за счёт собственных средств, так как деньги на погашение долга по кредиту, обеспеченному ипотекой, получены ею в дар от родителей.

Согласно пункту 1 статьи 36 СК РФ имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, является его собственностью.

Таким образом, вопрос об источнике денежных средств, направленных на погашение кредита, имел ключевое значение для правильного разрешения спора, так как от него зависит возможность квалификации сделки как совершённой за счёт должника.

При таких обстоятельствах, выводы судов о наличии или отсутствии оснований для признания платежа недействительной сделкой являются преждевременными, в связи с чем определение суда первой инстанции, постановления судов апелляционной инстанции и округа подлежат отмене, а обособленный спор – направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

[Определение ВС РФ от 18.03.2021 № 304-ЭС18-4037 \(9\)](#)

Если конкурсный управляющий требует признать мнимой сделку общества-должника, следует исходить из того, что прежние органы управления должника, непосредственно совершившие спорную сделку и вероятно заинтересованные наряду с обществом в сокрытии от третьих лиц (кредиторов) истинных мотивов своего поведения. Кроме того, иск подается не в связи с самим фактом заключения договора и его исполнением как обычной сделки, отражающей подлинную волю участников, а в связи с наступлением последствий от искусственно созданной сторонами договора поставки видимости исполнения и имеет своей целью устранение этих последствий. С учетом этого по смыслу пункта 1 статьи 181 ГК РФ начало течения срока давности определяется моментом, с которого конкурсный управляющий должен был узнать о формальном характере начала исполнения мнимого договора, направленного на безосновательное получение обществом денежных средств из конкурсной массы.

В рамках дела о банкротстве нефтебазы конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительным договора поставки нефтепродуктов, заключенного обществом и нефтебазой (покупателем).

Судами апелляционной инстанции и округа в удовлетворении заявления отказано.

Определением от 12.05.2015 возбуждено дело о несостоятельности нефтебазы. Решением от 04.08.2016 нефтебаза признана банкротом, в отношении нее открыта процедура конкурсного производства, в ходе которой (09.07.2018) конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительным договора поставки нефтепродуктов от 24.02.2015.

Суд первой инстанции счел, что к требованию управляющего подлежит применению годичный срок исковой давности. Начало течения срока исковой давности суд связал с днем проведения собрания кредиторов – 13.10.2017, на котором принято решение об обязанности управляющего дать заключение о наличии признаков фиктивного, преднамеренного банкротства нефтебазы. Как указал суд, управляющий выявил пороки договора поставки при подготовке названного заключения. Заявление подано в суд 09.07.2018, то есть в пределах годичного срока исковой давности.

Суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении заявления управляющего исключительно по мотиву пропуска им годичного срока исковой давности. Начало течения срока исковой давности суд исчислил со дня утверждения конкурсного управляющего (с 28.07.2016), приняв во внимание факты включения определением суда первой инстанции от 14.12.2015 задолженности, основанной на спорном договоре поставки, в реестр требований кредиторов и своевременной передачи конкурсному управляющему документов, касающихся этого договора.

Окружной суд согласился с судом апелляционной инстанции.

ГК РФ исходит из ничтожности мнимой сделки, то есть сделки, совершенной лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия (пункт 1 статьи 170).

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий, в том числе, просил признать договор поставки недействительным как мнимую сделку. По данному основанию этот договор и был признан недействительным судом первой инстанции. Суд первой инстанции пришел к выводам о том, что стороны договора с самого начала не имели намерения создать реальные правовые последствия, соответствующие тем, что указаны в составленных ими документах (на момент заключения сделки общество не намеревалось передавать нефтепродукты нефтебазе в собственность, последняя, в свою очередь, не намеревалась принимать и оплачивать товар); фактически отношения по поставке нефтепродуктов между ними не возникли.

К требованию о признании мнимой сделки недействительной применим трехлетний, а не годичный срок исковой давности (пункт 1 статьи 181 Гражданского кодекса).

Предъявленный конкурсным управляющим нефтебазой иск призван оградить ее имущество от посягательств общества – контрагента по мнимому договору, включенного в реестр требований кредиторов нефтебазы и претендующего на получение договорной цены за счет конкурсной массы, сохранить данную массу для удовлетворения требований реальных кредиторов.

Так как в данном случае подача иска конкурсным управляющим, занявшим место органов управления нефтебазой, непосредственно совершивших спорную сделку и заинтересованных наряду с обществом, как полагал управляющий, в сокрытии от третьих лиц (кредиторов нефтебазы) истинных мотивов своего поведения, связана не с самим фактом заключения договора поставки и его исполнением как обычной сделки, отражающей подлинную волю участников, а с наступлением последствий от искусственно созданной сторонами договора поставки видимости исполнения и имеет своей целью устранение этих последствий, то по смыслу пункта 1 статьи 181 Гражданского кодекса начало течения срока давности определяется моментом, с которого конкурсный управляющий должен был узнать о формальном характере начала исполнения мнимого договора, направленного на безосновательное получение обществом денежных средств из конкурсной массы нефтебазы.

Соответствующие обстоятельства не были установлены судом апелляционной инстанции, ошибочно применившим к требованию управляющего годичный срок давности.

[Определение ВС РФ от 29.03.2021 № 305-ЭС16-20847\(11\)](#)

При продаже должником третьему лицу реституционного требования к ответчику, возникшего в связи с признанием сделки недействительной на основании статей 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, ответчик объективно не имеет возможности возвратить полученное в конкурсную массу, он должен предоставить исполнение цессионарию (статьи 382, 385 ГК РФ). В таком случае пополнение конкурсной массы

осуществляется посредством получения цены договора купли-продажи названного требования, а не возврата ответчиком имущества (его стоимости) должнику.

Вопросы о целесообразности отказа от предъявления исполнительного листа к принудительному исполнению за счет ответчика и вместо этого уступки соответствующего реституционного требования третьему лицу с дисконтом находятся в сфере контроля конкурсного управляющего. На ответчика, не являющегося участником отношений, касающихся заключения договора уступки требования и его исполнения цессионарием, не могут быть отнесены негативные последствия невыплаты цены договора цессии цессионарием или недополучения конкурсной массой разности между номинальной стоимостью реституционного требования и ценой его продажи.

Подобная ситуация (в том числе при приобретении требования заинтересованным по отношению к ответчику лицом) сама по себе не является основанием для отказа во включении в реестр требований кредиторов должника встречного реституционного требования. Но с учетом конкретных обстоятельств скоординированное поведение контрагента должника, реституционное требование к которому уступлено, и цессионария может быть признано злоупотреблением правом.

В рамках дела о несостоятельности общества «Лада Инжиниринг Инвест Компани» общество «Сфера- Инвест» обратилось в суд с заявлением о признании его требования в размере 12 482 668 руб. обоснованным и подлежащим удовлетворению за счет имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов должника.

Судами первой инстанции и округа в удовлетворении заявления отказано.

Определением от 24.04.2012 по настоящему делу принято заявление о признании должника несостоятельным (банкротом).

Определением от 16.08.2016 признаны недействительными операции по перечислению третьими лицами за должника в пользу общества «Эталон-Вест» денежных средств в размере 12 482 668 руб., произведенные в погашение задолженности по договорам подряда.

Решением от 08.05.2015 должник признан несостоятельным (банкротом), в отношении него открыта процедура конкурсного производства.

Конкурсным управляющим должником проведены торги по продаже дебиторской задолженности к обществу «Эталон-Вест». Победителем признано общество «Сфера-Инвест», с которым заключен договор уступки прав от 24.05.2019, приобретенное право требования оплачено в полном объеме.

Впоследствии (05.11.2019) общество «Сфера-Инвест» обратилось в арбитражный суд с настоящим заявлением.

В силу пунктов 1 - 3 статьи 61.6 Закона о банкротстве, если по сделке, признанной недействительной на основании статей 61.2, 61.3 Закона, кредитор – ответчик по обособленному спору (далее – ответчик) получил от должника имущество, то он может предъявить восстановленное требование к должнику только после возврата в конкурсную массу полученного имущества или его стоимости.

Указанные положения Закона о банкротстве направлены на создание условий для справедливого (исходя из правил об очередности и пропорциональности) удовлетворения требований всех кредиторов должника путем фактического наполнения конкурсной массы – реального приведения ее в то состояние, которое существовало до совершения с ответчиком подозрительной сделки или сделки, влекущей оказание ему предпочтения.

Однако в рассматриваемом случае должник (цедент) и общество «Сфера-Инвест» (цессионарий) 24.05.2019 заключили договор об уступке реституционного требования к обществу «Эталон-Вест»; приобретенное право требования оплачено в полном объеме.

При продаже должником третьему лицу реституционного требования к ответчику, возникшего в связи с признанием сделки недействительной на основании статей 61.2, 61.3 Закона о банкротстве последний объективно не имеет возможности вернуть полученное в конкурсную массу, он должен предоставить исполнение цессионарию (статьи 382, 385 Гражданского кодекса Российской Федерации). В таком случае пополнение

конкурсной массы осуществляется посредством получения цены договора купли-продажи названного требования, а не возврата ответчиком имущества (его стоимости) должнику.

При этом вопросы о целесообразности отказа от предъявления исполнительного листа к принудительному исполнению за счет ответчика – в данном случае общества «Эталон-Вест», уступки соответствующего ликвидного требования, подтвержденного судебным решением, третьему лицу с дисконтом находились в сфере контроля конкурсного управляющего обществом. На ответчика, не являющегося участником отношений, касающихся заключения договора уступки требования и его исполнения цессионарием, не могут быть отнесены негативные последствия невыплаты цены договора цессии цессионарием или недополучения конкурсной массой разности между номинальной стоимостью реституционного требования и ценой его продажи.

Должник распорядился требованием к обществу «Эталон-Вест», выбрав в качестве способа увеличения своей конкурсной массы его отчуждение третьему лицу. Таким образом, с момента перехода требования к цессионарию общество «Эталон-Вест» лишилось возможности вернуть должнику полученное по недействительной сделке.

Вместе с тем, возражая против требования общества «Сфера-Инвест», конкурсный управляющий должником обращал внимание судов на согласованные действия взаимосвязанных лиц (обществ «Эталон-Вест» и «Сфера-Инвест»), направленные на выкуп спорного требования с существенным дисконтом с целью последующего обращения в суд с заявлением о включении требования в отношении восстановленной задолженности в реестр в обход установленной законом обязанности по возврату в конкурсную массу полученного по недействительной сделке имущества (его стоимости). Так, по мнению конкурсного управляющего, общество «Эталон-Вест» на протяжении длительного времени намеренно уклонялось от исполнения судебного акта о признании недействительными упомянутых сделок и применении последствий их недействительности, в связи с чем должник был вынужден реализовать спорное требование на торгах. В свою очередь, общество «Сфера-Инвест», заключив с компанией по результатам торгов договор уступки прав, отказалось от поданного ранее заявления о признании общества «Эталон-Вест» банкротом, что свидетельствует о создании видимости неплатежеспособности последнего. Конкурсный управляющий полагает, что такие действия подтверждают недобросовестное поведение со стороны упомянутых лиц.

Само по себе приобретение дебиторской задолженности к обществу «Эталон-Вест» заинтересованным по отношению к нему лицом не свидетельствует об отсутствии у такого лица права на предъявление восстановленного требования ко включению в реестр.

[Определение ВС РФ от 08.04.2021 № 308-ЭС19-24043 \(2, 3\)](#)

Действия, направленные на установление сальдо взаимных предоставлений, не являются сделкой, которая может быть оспорена по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве в рамках дела о несостоятельности подрядчика, так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком какого-либо предпочтения – причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает он сам своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, констатировавший факт сальдирования.

В рамках дела о банкротстве общества его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительной и применении последствий недействительности сделки по зачету встречных однородных требований общества, города Новороссийска (в лице администрации) и учреждения (управления).

Судами трех инстанций заявление конкурсного управляющего удовлетворено.

Администрацией (инвестором), управлением (заказчиком) и обществом (подрядчиком) 24.12.2010 был заключен муниципальный контракт на выполнение строительно-монтажных работ по реконструкции набережной.

Подрядчик, полагая, что на стороне управления и администрации образовалась задолженность по оплате выполненных по муниципальному контракту работ, обратился в арбитражный суд с иском о взыскании этой задолженности. Постановлением от 13.08.2014 с муниципального образования за счет его казны в пользу подрядчика взысканы 16 273 596,51 руб.

В свою очередь, учреждение обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании с подрядчика неотработанного аванса, предоставленного по муниципальному контракту, и процентов за пользование чужими денежными средствами. По результатам разрешения второго спора с подрядчика взыскано неосновательное обогащение в сумме 35 181 188,28 руб. и проценты за пользование чужими денежными средствами в сумме 5 360 862,4 руб. При этом в удовлетворении встречного иска подрядчика о признании работ выполненными и принятыми отказано.

Таким образом, оба спора (о взыскании задолженности по оплате выполненных работ, о возврате неотработанного аванса и выплате процентов за пользование чужими денежными средствами) возникли в связи с исполнением одного и того же муниципального контракта.

Администрация и учреждение направили подрядчику уведомление от 08.12.2017 о зачете требований, в котором сообщили о прекращении встречных обязательств на 16 276 596,51 руб., подтвержденных вступившими в законную силу судебными актами.

Решением от 24.10.2018 подрядчик признан банкротом.

Признавая недействительной сделку по зачету встречных однородных требований, суды исходили из того, что уведомление о зачете с 10.01.2018 считалось доставленным подрядчику, в это время у подрядчика уже имелись неисполненные обязательства перед другими кредиторами, требования которых впоследствии были включены в реестр требований кредиторов и остались неудовлетворенными.

В соответствии со статьями 702, 708, 709 и 720 ГК РФ обязательственное правоотношение по договору подряда состоит из двух основных встречных обязательств, определяющих тип этого договора: обязательства подрядчика выполнить в натуре работы надлежащего качества в согласованный срок и обязательства заказчика уплатить обусловленную договором цену в порядке, предусмотренном сделкой (статья 328 ГК РФ).

Из встречного характера указанных основных обязательств и положений пунктов 1 и 2 статьи 328, а также статьи 393 ГК РФ, согласно которым при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства должник обязан возместить причиненные кредитору убытки, следует, что в случае ненадлежащего исполнения принятого подрядчиком основного обязательства им не может быть получена та сумма, на которую он мог рассчитывать, если бы исполнил это обязательство должным образом.

В частности, неисправный подрядчик не вправе требовать выплаты полной договорной цены в случае невыполнения согласованного объема работ. Отклонение подрядчика от условий договора порождает необходимость перерасчета итогового платежа заказчика. Подобное сальдирование вытекает из существа отношений по подряду и происходит в силу встречного характера основных обязательств подрядчика и заказчика.

Согласно сложившейся судебной арбитражной практике действия, направленные на установление указанного сальдо взаимных предоставлений, не являются сделкой, которая может быть оспорена по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве в рамках дела о несостоятельности подрядчика, так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком какого-либо предпочтения – причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает он сам своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, констатировавший факт сальдирования (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946, от 29.08.2019 № 305-ЭС19-10075, от 02.09.2019 № 304-ЭС19-

11744 и др.). Аналогичный вывод вытекает из смысла разъяснений, данных в абзаце четвертом пункта 13 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве».

[Определение ВС РФ от 22.04.2021 № 305-ЭС20-13952 \(2\)](#)

Законодательное регулирование вопросов недействительности сделок с предпочтением, предусмотренных статьей 61.3 Закона о банкротстве, имеет целью создание правового механизма, обеспечивающего реализацию прав кредиторов на получение того, что им справедливо причиталось при должном распределении конкурсной массы. Так, сделка с предпочтением подлежит признанию недействительной лишь в том случае, если один из кредиторов в преддверии возбуждения дела о банкротстве или после начала производства по такому делу за счет должника получает удовлетворение, превышающее причитающееся ему по правилам законодательства о несостоятельности, вследствие чего уменьшается совокупная конкурсная масса этого должника и нарушаются права и законные интересы иных кредиторов, которые получают меньше причитающегося им.

Если конкурсная масса должника в результате погашения его задолженности третьим лицом не претерпевает изменений, а заявитель не утверждает, что заключалась какая-либо иная сделка по погашению чужого долга или задолженность должника была погашена его же средствами, такое погашение не может быть признано недействительным на основании ст. 61.3 Закона о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве Черномырдина В.В. финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными на основании ст. 61.3 Закона о банкротстве операций, совершенных в период с 17.08.2016 по 23.12.2016, по перечислению Сатторовым Ф.А. с его банковского счета 17 844 399,34 руб. в пользу банка в погашение задолженности Черномырдина В.В. по кредитному договору и о применении последствий недействительности указанных операций.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено. 24.10.2016 арбитражным судом возбуждено дело о несостоятельности (банкротстве) Черномырдина В.В. До этого и после возбуждения дела о банкротстве Сатторов Ф.А. перевел со своего банковского счета 17 844 399,34 руб. банку, погасив задолженность Черномырдина В.В. по кредитному договору.

Сатторов Ф.А. и Черномырдин В.В. договором от 01.08.2016 урегулировали внутренние отношения, касающиеся погашения первым долга второго перед банком. В этом договоре зафиксировано, что Черномырдин В.В. возложил исполнение своего обязательства на Сатторова Ф.А. Определяя условия покрытия расходов Сатторова Ф.А. на погашение чужого долга, стороны в тексте договора воспроизвели общие положения пункта 5 статьи 313 ГК РФ: к Сатторову Ф.А., исполнившему обязательство Черномырдина В.В., переходят права кредитора по этому обязательству в соответствии со статьей 387 ГК РФ.

Решением от 24.04.2018 Черномырдин В.В. признан несостоятельным (банкротом).

Сатторов Ф.А. по договору от 18.01.2019 уступил обществу «СтройСпецТехника» свое требование к Черномырдину В.В., возникшее вследствие погашения задолженности последнего перед банком.

Вступившим в законную силу определением от 13.09.2019 требование правопреемника Сатторова Ф.А. (общества «СтройСпецТехника») к Черномырдину В.В. в сумме 17 844 399,34 руб. признано обоснованным и подлежащим удовлетворению за счет имущества должника, оставшегося после завершения расчетов с кредиторами, заявившими свои требования в отведенный законом двухмесячный срок.

Впоследствии финансовый управляющий имуществом Черномырдина В.В. оспорил упомянутые платежи Сатторова Ф.А. в пользу банка.

Законодательное регулирование вопросов недействительности сделок с предпочтением, предусмотренных статьей 61.3 Закона о банкротстве, имеет целью создание правового механизма, обеспечивающего реализацию прав кредиторов на получение того, что им справедливо причиталось при

должном распределении конкурсной массы. Так, сделка с предпочтением подлежит признанию недействительной лишь в том случае, если один из кредиторов в преддверии возбуждения дела обанкротстве или после начала производства по такому делу за счет должника получает удовлетворение, превышающее причитающееся ему по правилам законодательства о несостоятельности, вследствие чего уменьшается совокупная конкурсная масса этого должника и нарушаются права и законные интересы иных кредиторов, которые получают меньше причитающегося им.

В рассматриваемом случае в материалы дела был представлен договор от 01.08.2016, заключенный Сатторовым Ф.А. и Черномырдиным В.В., согласно которому они не отступили от общих положений пункта 5 статьи 313 ГК РФ: в отношениях между ними последствия исполнения обязательства Сатторовым Ф.А. регулируются правилами о суброгации.

При обращении в суд финансовый управляющий не ссылаясь на то, что договор от 01.08.2016 не отражает реальное положение дел и в действительности Сатторов Ф.А. и Черномырдин В.В. заключили иное, специальное соглашение, определяющее другие условия покрытия расходов на погашение чужого долга. Равным образом, финансовый управляющий не приводил доводы относительно того, что несмотря на формальное списание денежных средств с личного счета Сатторова Ф.А. в пользу банка, фактически на погашение задолженности были направлены средства самого Черномырдина В.В. или погашение долга осуществлено в счет исполнения каких-либо долговых обязательств Сатторова Ф.А. перед Черномырдиным В.В.

В деле о банкротстве инициирование обособленного спора об оспаривании сделки осуществляется в форме заявления, в котором должно быть изложено не только само требование к ответчику по этому обособленному спору, вытекающее из спорного материального правоотношения (предмет иска), но и обстоятельства, на которых основано данное требование (основания иска) (статья 125 АПК РФ).

Из сформулированных самим финансовым управляющим оснований его заявления следует, что в результате выплат, осуществленных Сатторовым Ф.А., произошла замена кредитора (вместо банка на 17 844 399,34 руб. в настоящее время претендует правопреемник Сатторова Ф.А., чьи притязания признаны обоснованными судом), а конкурсная масса Черномырдина В.В. не претерпела каких-либо изменений. Следовательно, предоставление Сатторовым Ф.А. денежного исполнения по обязательству должника по кредитному договору не могло быть признано недействительным на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве.

Субсидиарная ответственность и убытки.

[Определение ВС РФ от 17.03.2021 № 302-ЭС20-20755](#)

Кредитор должника вправе изменять свой выбор в отношении распоряжения требованием к субсидиарному ответчику с взыскания задолженности по требованию на его уступку. Кредитор, изменивший свой выбор, обязан возместить лицам, понесшим расходы на взыскание задолженности и организацию и проведение торгов, их убытки.

Если кредитор первоначально выбрал уступку требования, то в дальнейшем оснований для изменения способа распоряжения требованием лишь только по воле самого кредитора не имеется: перемена лица в обязательстве состоялась и обратный переход требования нарушил бы принцип автономии воли участников гражданского оборота.

В деле о банкротстве общества "Сибэлитстрой" определением суда первой инстанции от 25.11.2017 с контролировавших должника лиц в порядке субсидиарной ответственности взыскано 64 407 105,86 руб.

01.03.2018 на собрании кредиторов по вопросу распоряжения требованиями к вышеупомянутым субсидиарным ответчикам общество "РН-Красноярскнефтепродукт" (конкурсный кредитор) проголосовало за взыскание задолженности в деле о банкротстве (95,72 % голосов от числа принявших участие в собрании); ФНС (4,28% голосов) выступала за уступку требований, настаивая на бесперспективности взыскания и

нецелесообразности затягивания процедур банкротства. К тому времени ни в добровольном, ни в принудительном порядке денежные средства от субсидиарных ответчиков в конкурсную массу не поступили.

Впоследствии 13.12.2019 общество "РН-Красноярскнефтепродукт" изменило свой выбор, потребовав уступить ему требование к субсидиарным должникам, уведомив об этом конкурсного управляющего общества "Сибэлитстрой".

15.01.2020 по этому вопросу состоялось собрание кредиторов, на котором принято решение об уступке обществу "РН-Красноярскнефтепродукт" части требования к субсидиарным ответчикам в размере требования этого кредитора, включенного в реестр.

В связи с этим общество "РН-Красноярскнефтепродукт" потребовало в суде осуществить процессуальное правопреемство – в споре о взыскании задолженности с контролировавших должника лиц заменить общество "Сибэлитстрой" на общество "РН-Красноярскнефтепродукт" в части своего требования, включенного в реестр требований кредиторов. Требование кредитора основано на статье 48 АПК РФ и на статье 61.17 Закона о банкротстве.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

Суды исходили из отсутствия у кредитора права на изменение своего первоначального выбора способа распоряжения требованием к субсидиарным ответчикам, так как закон этого не предусматривает. Суды также указали на нарушение порядка распоряжения правом, установленного пунктом 2 статьи 61.17 Закона о банкротстве, так как не доказаны размещение конкурсным управляющим в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве сообщения о праве кредитора распорядиться требованием к субсидиарным ответчикам, направление конкурсному управляющему в десятидневный срок волеизъявления общества "РН-Красноярскнефтепродукт" о способе распоряжения указанным требованием, представление в суд отчета арбитражного управляющего.

Суд округа поддержал выводы относительно нарушения кредитором порядка замены взыскателя и невозможности проведения замены взыскателя в ином порядке.

Предмет кассационной жалобы сводится к решению вопроса о праве кредитора на изменение способа распоряжения требованием к субсидиарным с должником-банкротом ответчикам.

По смыслу и содержанию статьи 2 Закона о банкротстве целью конкурсного производства является последовательное и эффективное проведение мероприятий по получению наибольшей выручки от реализации имущества должника, максимальное наполнение конкурсной массы для соразмерного удовлетворения требований кредиторов должника (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.12.2018 № 305-ЭС17-4004(2), 11.02.2019 № 305-ЭС16-20779(32), 09.12.2019 № 306-ЭС17-22275(2)).

Для реализации этой цели Закон о банкротстве предоставил кредиторам и уполномоченным органам, требования которых не были удовлетворены за счет имущества должника-банкрота, иные вспомогательные правовые средства, в том числе возможность получить удовлетворение за счет имущества лиц, контролировавших должника.

Размер непогашенных должником-банкротом требований, подлежащих взысканию с лиц, привлеченных к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов, определяется арбитражным судом после завершения расчетов с кредиторами с учетом выбора ими способа распоряжения требованием к субсидиарным ответчикам (пункт 9 статьи 61.16 Закона о банкротстве).

Законом о банкротстве (пункт 2 статьи 61.17) предусмотрены три способа распоряжения требованием:

- взыскание задолженности по требованию;

- продажа требования с торгов;

- уступка кредитору части требования в размере требования кредитора.

Реализация первых двух способов осуществляется в деле о банкротстве. Если все кредиторы выбрали уступку требования, то конкурсное производство может быть завершено (пункты 10, 11, 13-15 статьи 61.16 Закона о банкротстве).

Из пункта 4 статьи 61.17 Закона о банкротстве следует, что после вступления в силу судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности арбитражный суд производит замену взыскателя в части соответствующей суммы на кредиторов, выбравших уступку требования, и выдает каждому из них исполнительный лист с указанием размера и очередности погашения его требования.

Закон о банкротстве прямо не регулирует вопрос о возможности последующего изменения кредитором своего выбора способом распоряжения требованием к субсидиарным ответчикам. Это обстоятельство не позволило судам произвести процессуальную замену должника на его кредитора.

Однако, отсутствие прямого правового регулирования может быть восполнено общими нормами-принципами гражданского права, поскольку правоотношения по процессуальному правопреемству производны от их материального содержания, а в данном случае материальные правоотношения между кредитором и должником по имущественным требованиям относятся к сфере действия гражданского законодательства (пункт 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ).

По принципу дозволительной направленности гражданско-правового регулирования нормы этой отрасли права позволяют участникам гражданского оборота совершать любые действия, не запрещенные законом. Субъекты гражданского права могут приобретать права и нести обязанности в том числе и не предусмотренные законом и иными правовыми актами (статья 8 ГК РФ).

В соответствии с пунктом 1 статьи 9 ГК РФ граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права. По общему правилу никто не вправе навязывать участникам гражданского оборота, как осуществлять принадлежащие им гражданские права и какие возлагать на себя обязанности.

Пределы распоряжения гражданскими правами в общем виде указаны в статье 10 ГК РФ (запреты на злоупотребление правом, на противоправный обход закона, на намеренный вред другому лицу).

Ни закон о банкротстве, ни иные правовые акты гражданского законодательства ни прямо, ни косвенно не запрещают кредитору изменять свой выбор в отношении требования к субсидиарному ответчику, по крайней мере, в том случае, если он первоначально выбрал взыскание задолженности или продажу требования с торгов (тем более, если взыскание задолженности не привело к желаемому результату – получению денежных средств в конкурсную массу, а торги не начались или не состоялись). К тому же при таком выборе кредитора требование к нему не переходит и остается у прежнего правообладателя – должника.

Однако, во избежание нарушения прав других кредиторов и конкурсного управляющего, кредитор, изменивший свой выбор, обязан возместить лицам, понесшим расходы на взыскание задолженности и организацию и проведение торгов, их убытки.

Этот подход позволяет с одной стороны понудить кредитора ответственно подходить к распоряжению своими правами, а с другой – сохранить ему возможность самостоятельно удовлетворить свои требования за счет имущества субсидиарных ответчиков, не затягивая на неопределенное время процедуру банкротства должника. Тем самым соблюдается баланс интересов всех лиц, участвующих в деле.

Если кредитор первоначально выбрал уступку требования, то в дальнейшем оснований для изменения способа распоряжения требованием лишь только по воле самого кредитора не имеется: перемена лица в обязательстве состоялась и обратный переход требования без воли должника нарушил бы принцип автономии воли участников гражданского оборота.

Нормы статьи 61.17 Закона о банкротстве (такие, например, как о сроках совершения действий по выбору способа распоряжения, о публичном размещении информации, о представлении в суд отчета арбитражного управляющего о результатах выбора кредиторами способа распоряжения и другие) в целом носят организационный характер и направлены на упорядочение процедуры первоначального выбора кредиторами способа распоряжения требованиями к субсидиарным ответчикам. Поэтому, вопреки выводам судов, само по себе несоблюдение буквального содержания этих норм без негативных последствий для сообщества кредиторов никак не должно противопоставляться гражданским правам кого-либо из кредиторов.

При разрешении данного обособленного спора судами не установлено ни злоупотреблений со стороны общества "РН-Красноярскнефтепродукт", ни обход закона, ни каких-либо нарушений действиями заявителя прав иных кредиторов или налоговой службы, учитывая, что последняя и сама выбрала в качестве способа распоряжения требованием уступку. По крайней мере, обстоятельства таких нарушений не отражены в судебных актах.

Таким образом суды, отказав в удовлетворении требования о процессуальном правопреемстве, косвенным образом и без наличия на то законных оснований воспрепятствовали свободному распоряжению обществом "РН-Красноярскнефтепродукт" его гражданским правом, что недопустимо. Закон о банкротстве позволяет кредитором изменять свой выбор со взыскания задолженности по требованию на его уступку.

[Определение ВС РФ от 25.03.2021 № 310-ЭС20-18954](#)

При разрешении спора о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в связи с заключением договора поручительства, суду необходимо установить сомнительность сделки, совершенной контролирующим лицом, ее направленность на причинение вреда остальным кредиторам поручителя-должника, значительное отклонение поведения поручителя-должника от сложившейся практики, отсутствие цели привлечения кредитного финансирования группой, объединяющей заемщика и лиц, выдавших обеспечение.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) ООО «СПАР Липецк» ИП Козловский С.Н. обратился в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности Дудорова О.Н., Марчевой Н.В., Селиверстова А.В. и ООО «РентаЭстейт» (управляющая компания), как контролировавших общество «СПАР Липецк» лиц.

Судами установлено наличие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности управляющей компании и Дудорова О.Н. по обязательствам общества «СПАР Липецк», дальнейшее производство по обособленному спору в отношении указанных лиц приостановлено до окончания расчетов с кредиторами; в части требований, предъявленных к иным ответчикам, в удовлетворении заявления отказано. Управляющей компанией и должником 04.09.2013 заключен договор, на основании которого управляющая компания осуществляла полномочия единоличного исполнительного органа общества «СПАР Липецк». Кроме того, управляющая компания была мажоритарным участником общества «СПАР Липецк» (с долей участия 50,1 процента). Руководителем управляющей компании являлся Дудоров О.Н.

Общество «СПАР Липецк» (в лице директора управляющей компании Дудорова О.Н.) в обеспечение исполнения обязательств общества с ограниченной ответственностью «ПланетаСтрой» (далее – общество «ПланетаСтрой»), принятых по кредитным договорам, заключило договоры поручительства: от 01.02.2016 с публичным акционерным обществом «Банк Уралсиб» (один договор; далее – банк «Уралсиб»); от 18.02.2016 с публичным акционерным обществом «Банк ВТБ» (три договора; далее – банк «ВТБ»).

При этом Дудоров О.Н. являлся заместителем генерального директора заемщика – общества «ПланетаСтрой».

Поручительства за общество «ПланетаСтрой» выдали общества с ограниченной ответственностью «Феникс XXI век» и «Мегос» (далее – общества «Феникс XXI век» и «Мегос»). Генеральным директором этих обществ, а также одним из участников общества «Мегос» являлся Дудоров О.Н.

Определением Арбитражного суда Липецкой области от 23.09.2016 возбуждено дело о банкротстве общества «СПАР Липецк». Решением того же суда от 05.04.2017 оно признано банкротом, в отношении него открыта процедура конкурсного производства, в ходе которой кредитор – индивидуальный предприниматель Козловский С.Н. – обратился в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности контролировавших общество «СПАР Липецк» лиц.

Разрешая спор, суды отказали в привлечении Дудорова О.Н. к субсидиарной ответственности по основаниям, связанным с неисполнением им обязанности по обращению в суд с заявлением о банкротстве и непередачей документации конкурному управляющему обществом «СПАР Липецк».

Суды исходили из того, что общества «СПАР Липецк» и «ПланетаСтрой» входили в одну группу лиц. Общий размер обязательств перед названными банками, поручителем по которым выступили общества «СПАР Липецк», «Феникс XXI век» и «Мегос», превысил 2 млрд. рублей. Названные организации, поручившиеся за общество «ПланетаСтрой», не имели реальной возможности исполнить обязательства по возврату кредитов на такую сумму исходя из величины активов поручителей, отраженных в их бухгалтерских балансах за 2015 год (суммарные активы общества «СПАР Липецк» составили 184 млн. рублей, общества «Феникс XXI век» – 135 млн. рублей, общества «Мегос» – 218 млн. рублей). На момент заключения договоров поручительства существовал высокий риск просрочки исполнения текущих обязательств обществом «СПАР Липецк», а основным заемщик – общество «ПланетаСтрой» – уже имел значительную кредиторскую задолженность. Впоследствии общества «ПланетаСтрой», «Феникс XXI век» и «Мегос» были признаны банкротами.

Дудоров О.Н., являвшийся руководителем управляющей компании, заместителем генерального директора общества «ПланетаСтрой», генеральным директором общества «Феникс XXI век», а также генеральным директором и одним из участников общества «Мегос», был осведомлен о финансовом состоянии основного заемщика и поручителей.

В ходе рассмотрения дела о банкротстве общества «СПАР Липецк» признаны обоснованными требования кредиторов на сумму около 3,3 млрд. рублей (включая требования, установленные в порядке, предусмотренном пунктом 4 статьи 142 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)), из них требования банков «Уралсиб» и «ВТБ», основанные на договорах поручительства за общество «ПланетаСтрой», составили более 2 млрд. рублей, то есть большую часть от всех требований кредиторов.

Заключение Дудоровым О.Н. от имени общества «СПАР Липецк» договоров поручительства по обязательствам лица, входящего с данным хозяйственным обществом в одну группу, располагающим сведениями о сложном финансовом положении всей группы, повлекло включение в реестр требований кредиторов общества «СПАР Липецк» требований двух кредитных организаций и, как следствие, невозможность удовлетворения требований иных кредиторов.

Согласно пункту 4 статьи 10 Закона о банкротстве, подлежащему применению к спорным отношениям, если должник признан несостоятельным (банкротом) вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, такое лицо в случае недостаточности имущества должника несет субсидиарную ответственность по его обязательствам. Пока не доказано иное, предполагается, что должник признан несостоятельным (банкротом) вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, если, в частности, в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника, включая сделки, указанные в статьях 61.2 и 61.3 названного Закона, причинен вред имущественным правам кредиторов. Аналогичные правила в настоящее время закреплены в пунктах 1 и 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве.

Квалифицирующим признаком сделки, ряда сделок, при наличии которых к контролируемому лицу может быть применена упомянутая презумпция доведения до банкротства, являются значимость этих сделок для должника (применительно к масштабам его деятельности) и одновременно их существенная убыточность в контексте отношений «должник (его конкурсная масса) – кредиторы», то есть направленность сделок на причинение существенного вреда кредиторам путем безосновательного, не имеющего разумного экономического обоснования уменьшения (обременения) конкурсной массы. Такая противоправная направленность сделок должна иметь место на момент их совершения.

Заключенные обществом «СПАР Липецк» с банками «Уралсиб» и «ВТБ» договоры поручительства, исходя из объема принятых поручителем обязательств, действительно, отвечали критерию значимости.

Вместе с тем, при разрешении вопроса о реальной цели совершения тех или иных сделок должны быть приняты во внимание обычные условия делового оборота. В настоящее время на рынке кредитования сложилась

устойчивая банковская практика, в соответствии с которой организации, входящие в одну группу, привлекаются банками в качестве поручителей по обязательствам друг друга.

Сама по себе выдача такого рода поручительств в пользу кредитной организации, настаивающей на дополнительном обеспечении, не свидетельствует о наличии признаков неразумности или недобросовестности в поведении руководителя поручителя по отношению к его кредиторам даже в ситуации, когда поручитель с целью реализации общегрупповых интересов, а не для причинения вреда кредиторам, принимает на себя солидарные обязательства перед банком в объеме, превышающем его финансовые возможности, полагая при этом, что в перспективе результат деятельности группы позволит погасить обязательства ее членов перед кредиторами.

Для констатации сомнительности поручительства, его направленности на причинение вреда остальным кредиторам поручителя, должны быть приведены веские аргументы, свидетельствующие о значительном отклонении поведения от сложившейся практики, в частности, о том, что поручитель действовал злонамеренно: цель привлечения независимого кредитного финансирования группой, объединяющей заемщика и лиц, выдавших обеспечение, в действительности ими не преследовалась, им было очевидно, что в дальнейшем обязательства заведомо не будут исполнены.

Как следует из пояснений Дудорова О.Н., ФНС России и не оспаривается иными участвующими в деле лицами, общество «ПланетаСтрой» специализировалось на торговле товарами для дома и интерьера, используя сеть магазинов «Уютерра», общество «СПАР Липецк» фактически занималось розничной торговлей продовольственными товарами в сети магазинов «СПАР».

В рассматриваемом случае, Дудоров О.Н. ссылался на то, что не являлся таким бенефициарным собственником, который в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владел существенной долей участия в уставном капитале обществ «СПАР Липецк» и (или) «ПланетаСтрой». Причиной банкротства основного заемщика – общества «ПланетаСтрой», за которого поручились общества «СПАР Липецк», «Феникс XXI век» и «Мегос» стали экономические факторы – рост курса валют, увеличение ставок по кредитам, снижение покупательского спроса и, как следствие, уменьшение торговой выручки. Дудоров О.Н. указывал на то, что с целью преодоления кризисной ситуации заемщиком и кредитными организациями согласована антикризисная программа, предусматривавшая увольнение части сотрудников, закрытие некоторых торговых точек, уменьшение размера арендных платежей, отказ от услуг частных охранных предприятий и операторов видеонаблюдения, отказ от закупок импортных товаров, увеличение доли оптовых продаж. Заключение договоров поручительства с организациями, входившими с основным заемщиком в одну группу, являлось необходимым условием реструктуризации кредитов, согласованной банками. Реструктуризация задолженности проводилась с расчетом на успешное преодоление кризиса.

Суды ошибочно не приняли во внимание то, что наличие антикризисной программы (плана) может подтверждаться не только документом, поименованным соответствующим образом, но и совокупностью иных доказательств (например, перепиской с контрагентами, протоколами совещаний и т.п.). При этом возложение субсидиарной ответственности допустимо, в частности, когда следование плану являлось явно неразумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах, либо когда план разрабатывался лишь для создания внешней иллюзии принятия антикризисных мер и получения отсрочки с тем, чтобы выиграть время для отчуждения активов во вред кредиторам.

В обжалуемых судебных актах нет ссылок ни на то, что у Дудорова О.Н. имелся какой-либо личный интерес в солидарном принятии долговых обязательств перед банками «Уралсиб» и «ВТБ», являющимися независимыми кредиторами, ни на участие Дудорова О.Н. в совершении сделок по выводу активов.

В ситуации, когда в отсутствие поручительства кредитная задолженность перед банками не была бы реструктурирована, выдача поручительства одним членом группы в интересах заемщика, относящегося к той же группе, с экономической точки зрения является способом финансирования последнего.

Подход, занятый судами, по сути, сводится к тому, что одно лицо, входящее в группу, не должно предоставлять подобного рода антикризисное финансирование другому члену группы, находящему в сложном состоянии, под страхом привлечения руководителя поручителя к субсидиарной ответственности.

[Определение ВС РФ от 14.04.2021 № 304-ЭС18-23831\(6,7\)](#)

Правовые последствия исполнения обязательств поручителя перед кредитором и обязательств солидарного должника, совместно причинившего вред кредиторам, не аналогичны. К поручителю, исполнившему обязательство, в силу закона переходят права кредитора по этому обязательству. В отношении причинителя вреда, исполнившего солидарную обязанность, такое правило не установлено. Он пользуется правом регрессного требования к сопричинителям. Сопричинитель вреда не вправе защитить свои права регрессного требования путем суброгации, то есть требования перехода прав кредитора по исполненному обязательству. Иное позволило бы сопричинителю произвольно по собственной воле определить долю ответственности, приходящейся на лицо, за которое исполнена ответственность, что неправомерно.

В деле о банкротстве общества "Магнит М" рассмотрен обособленный спор по заявлению Подкорытовой О.И. (участника общества "Магнит М") о взыскании в пользу этого общества с его бывших руководителей убытков. Требования удовлетворены, в пользу общества "Магнит М" взыскано солидарно: 13 448 000 руб. - с Земана С.К. и Фещукова А.Н.; 12 855 623,14 руб. - с Земана С.К., Фещукова А.Н., Суркова В.В. и Шкуриной С.Б.

В период с 22.10.2019 по 23.10.2019 общество "Магнит" по указанию Земана С.К. перечислило обществу "Магнит М" 13 448 000 руб. в счет погашения солидарного обязательства Земана С.К. и Фещукова А.Н. Отношения Земана С.К. с обществом "Магнит" были оформлены как заёмные. 30.05.2019 производство по делу о банкротстве общества "Магнит М" прекращено в связи с удовлетворением требований кредиторов. Полагая, что солидарное обязательство перед обществом "Магнит М" исполнено, Земан С.К. 27.01.2020 обратился в арбитражный суд с заявлением о замене на него взыскателя – общества "Магнит М" в части взыскания с Фещукова А.Н. половины долга – 6 724 400 руб. по требованию о возмещении убытков.

Судами первой и кассационной инстанций заявление Земана С.К. удовлетворено.

Отменяя постановление суда кассационной инстанции, судебная коллегия Верховного Суда указала, что приняв кассационную жалобу Подкорытовой О.И. и назначив ее к совместному рассмотрению с ранее принятой кассационной жалобой Земана С.К., суд не принял по жалобе Подкорытовой О.И. никакого решения. Это следует из содержания кассационного постановления, где не отражены ни сведения о том, что рассматривалась жалоба Подкорытовой О.И., ни её доводы, ни суждения суда по этим доводам, ни выводы суда по существу заявленной жалобы. Тем самым нарушено конституционное право Подкорытовой О.И. на судебную защиту. Данный недостаток не устраним в последующей инстанции, поскольку иное нарушило бы принцип последовательного рассмотрения судебных дел по судебным инстанциям.

Доводы кассационной жалобы Фещукова А.Н. об отсутствии оснований для процессуального правопреемства судебная коллегия нашла обоснованными.

В силу части 1 статьи 48 АПК РФ необходимой предпосылкой процессуального правопреемства является правопреемство в материальном правоотношении: реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга, смерть гражданина и другие случаи перемены лиц в обязательствах.

В рассматриваемом в настоящем обособленном споре случае требование о процессуальном правопреемстве основано на позиции Земана С.К., полагавшего, что, передав обществу "Магнит М" 13 448 000 руб., он погасил убытки, причиненные этому обществу совместно с Фещуковым А.Н. В то же время эти действия Земана С.К. (при доказанности таковых) повлекли прекращение обязательств обоих солидарных должников перед обществом "Магнит М" (пункт 1 статьи 325, пункт 1 статьи 408 ГК РФ) и в силу пункта 2 статьи 325 ГК РФ

предоставили ему право на обращение в суд с отдельным иском к Фещукову А.Н. о взыскании в свою пользу приходящейся на последнего суммы убытков по правилам регресса.

Обращение за судебной защитой в том или ином порядке (в данном случае в порядке суброгации или регресса) не является исключительно формальным подходом к соблюдению правовых норм, так как каждый из способов влечет различные правовые последствия. Так, в частности, могут быть различия по судам, к чьей компетенции и подсудности отнесен тот или иной спор, а право каждого на компетентный суд гарантировано Конституцией РФ (часть 1 статьи 47). Кроме того, переход прав кредитора в случае перемены лица в обязательстве по общему правилу автоматически предоставляет новому кредитору весь объем прав первоначального (пункт 1 статьи 384 ГК РФ), в то время как регрессное требование одного сопричинителя вреда к другому позволяет разделить ответственность между ними, в том числе и посредством определения неравных долей в выплаченном потерпевшему возмещении. По-разному исчисляется начало течения срока исковой давности.

Признав обоснованной позицию Земана С.К., окружной суд по существу позволил ему произвольно по собственной воле определить долю ответственности, приходящейся на Фещукова А.Н., что неправомерно.

Правовые последствия исполнения обязательств поручителя перед кредитором и обязательств солидарного должника, совместно причинившего вред кредитору, не аналогичны. Пунктом 1 статьи 365 и подпунктом 3 пункта 1 статьи 387 ГК РФ установлено, что к поручителю, исполнившему обязательство, в силу закона переходят права кредитора по этому обязательству. В отношении причинителя вреда, исполнившего солидарную обязанность, такое правило не установлено. Он пользуется правом регрессного требования к сопричинителям (подпункт 1 пункта 2 статьи 325 ГК РФ). В связи с этим ссылка окружного суда на правовую позицию, изложенную в судебных актах Верховного Суда Российской Федерации (определения от 21.01.2020

№ 5- КГ19-233, от 03.04.2018 № 14-КГ18-4), в которых рассматривалось правопреемство в отношении поручителя, несостоятельна.

Таким образом, вывод окружного суда о замене общества "Магнит М" на Земана С.К. как правопреемника по правилам суброгации несостоятелен.

Залог и поручительство в банкротстве.

[Определение ВС РФ от 12.03.2021 № 305-ЭС14-7512 \(25\)](#)

В деле о банкротстве застройщика требования кредитора могут быть признаны обеспеченными залогом объекта строительства только в случае заключения договора долевого участия в строительстве, заключенного после вступления в силу Закона № 214-ФЗ и прошедшего государственную регистрацию. Регистрация названного вида договоров является необходимым условием для возникновения у участников строительства залога в отношении земельного участка, объекта незавершенного строительства или объекта долевого строительства (части 1, 2, 3 статьи 13 Закона № 214-ФЗ). При отображении в публичном реестре записи о регистрации договора долевого участия в строительстве третьи лица становятся осведомленными о наличии у участника долевого строительства (покупателя будущей недвижимой вещи) правопритязаний к застройщику в отношении объекта строительства.

Кроме того, требование об обращении взыскания на заложенное имущество (аналогом которого в деле о банкротстве является заявление о включении в реестр требования как обеспеченного залогом или о признании уже включенного в реестр требования обеспеченным залогом) предъявляется к залогодателю – лицу, уполномоченному распоряжаться спорным имуществом, в первую очередь, к собственнику имущества. Если объект незавершенного строительства был передан для завершения строительства другому лицу, возможность обращения взыскания на предмет залога в условиях отсутствия регистрации договора участия в долевом строительстве не сохраняется.

Определением от 31.10.2011 по настоящему делу в третью очередь реестра требований кредиторов включены требования Гущина А.Ф.

02.12.2019 Гущин А.Ф. обратился с заявлением о признании данного требования обеспеченным залогом имущества должника – правом долгосрочной аренды земельного участка площадью 12 000 кв.м, истроящегося на этом земельном участке жилого дома.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении заявления отказано, судом округа спор направлен на новое рассмотрение.

При рассмотрении настоящего обособленного спора перед судами встал вопрос о толковании положений части 2 статьи 27 Закона № 214-ФЗ.

Согласно указанной норме, действие названного Федерального закона распространяется на отношения, связанные с привлечением денежных средств участников долевого строительства для строительства многоквартирных домов, разрешения на строительство которых получены после вступления этого Закона в силу (01.04.2005).

По мнению кредитора, с которым фактически согласился суд округа, названная норма позволяет применять Закон № 214-ФЗ к договорам, заключенным до вступления в силу этого Закона, если разрешение на строительство получено после его вступления в силу.

Вопреки доводам кредитора часть 2 статьи 27 включена в текст Закона № 214-ФЗ не для того, чтобы распространить его действие на ранее заключенные договоры, а напротив, для того, чтобы не применять Закон № 214-ФЗ к договорам, заключенным после вступления в силу этого Закона в ситуации, когда разрешение на строительство получено до 01.04.2005. Таким образом, этот Закон не применяется к договорам, заключенным в отношении объектов, строительство которых началось ранее вступления Закона в силу.

Иное толкование, поддержанное судом округа, подрывает логику функционирования системы долевого участия, заложенную в самом Законе. Так, согласно положениям данного Закона застройщик вправе привлекать денежные средства участников долевого строительства только после получения в установленном порядке разрешения на строительство (часть 1 статьи 3), привлечение денежных средств участников строительства осуществляется на основании договора долевого участия в строительстве (часть 2 статьи 3, часть 1 статьи 4), указанный договор подлежит государственной регистрации (часть 3 статьи 4, статья 17).

Следовательно, хронологически застройщик сначала получает разрешение на строительство, а только впоследствии он вправе привлекать денежные средства участников строительства по договорам, которые подлежат государственной регистрации. Поэтому толкование положений части 2 статьи 27 Закона № 214-ФЗ как допускающей его распространение на договоры, заключенные до вступления Закона в силу и до получения застройщиком разрешения на строительство, противоречит самой сути этого Закона.

В связи с этим судами первой и апелляционной инстанций правомерно указано на то, что исходя из действия Закона № 214-ФЗ во времени он не подлежит применению к спорным договорам об инвестировании строительства от 20.08.2004, заключенным между должником и Гущиным А.Ф.

Равным образом судами первой и апелляционной инстанций правомерно отмечено, что названный Закон не может быть применен к отношениям сторон ввиду того, что договоры об инвестировании строительства от 20.08.2004 не зарегистрированы, в то время как в части 3 статьи 4 Закона № 214-ФЗ прямо указано на то, что договор долевого участия в строительстве подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации.

Регистрация названного вида договоров, в свою очередь, является необходимым условием для возникновения у участников строительства залога в отношении земельного участка, объекта незавершенного строительства или объекта долевого строительства (части 1, 2, 3 статьи 13 Закона № 214-ФЗ). При отображении в публичном реестре записи о регистрации договора долевого участия в строительстве третьи лица становятся осведомленными о наличии у участника долевого строительства (покупателя будущей недвижимой вещи) правоприязаний к застройщику в отношении объекта строительства.

Из указанного следует, что в деле о банкротстве застройщика требования кредитора могут быть признаны обеспеченными залогом объекта строительства только в случае заключения договора долевого участия в строительстве, прошедшего государственную регистрацию. Поскольку регистрация договоров от 20.08.2004 не совершена и к ним не применяются положения Закона № 214-ФЗ, у Гущина А.Ф. отсутствуют какие-либо правовые аргументы, на которых он мог бы основывать свое право залога на спорный объект строительства.

Кроме того, судебная коллегия соглашается и с выводами судов первой и апелляционной инстанций относительно применения положений статьи 334 ГК РФ. По смыслу названной нормы, а также пункта 2 статьи 335, статьи 349 данного Кодекса требование об обращении взыскания на заложенное имущество (аналогом которого в деле о банкротстве является заявление о включении в реестр требования как обеспеченного залогом или о признании уже включенного в реестр требования обеспеченным залогом) предъявляется к залогодателю – лицу, уполномоченному распоряжаться спорным имуществом, в первую очередь, к собственнику имущества.

В то же время, как отмечено судами первой и апелляционной инстанций, определением Арбитражного суда города Москвы от 28.12.2016 по настоящему делу обществу «Велесстрой» как инвестору передано имущество застройщика (право аренды и объект незавершенного строительства на нем) для завершения строительства. Суды правомерно отметили, что возможность обращения взыскания на это имущество как на имущество должника не сохранилась, в силу чего требование Гущиным А.Ф. предъявлено к ненадлежащему ответчику.

[Определение ВС РФ от 08.04.2021 № 305-ЭС20-20287](#)

Налог на имущество и земельный налог, начисленные на заложенное имущество должника-банкрота за период нахождения этого имущества в банкротных процедурах, подлежат уплате в режиме погашения расходов на обеспечение сохранности предмета залога и реализации его на торгах, то есть в первоочередном порядке за счет средств, поступивших от реализации предмета залога.

В деле о банкротстве общества "Электрощит" реализовано его недвижимое имущество, находившееся в залоге у общества "Риал Эстейт Менеджмент" по кредитному обязательству.

Кредиторов первой и второй очередей у должника не было.

У налоговой службы и конкурсного управляющего должника возникли разногласия по поводу распределения денежных средств, вырученных в результате реализации залогового имущества, в связи с чем последний инициировал судебное разрешение этих разногласий.

Налоговая служба полагала, что в первоочередном порядке в режиме, установленном пунктом 6 статьи 138 Закона о банкротстве, должны также погашаться текущие налоговые платежи, связанные с залоговым имуществом (налог на имущество и земельный налог).

Оспариваемыми судебными актами позиция налогового органа не была поддержана.

Предметом настоящего судебного спора явилось решение вопроса о том, подлежат ли уплате налог на имущество и земельный налог, начисленные на заложенное имущество должника-банкрота за период нахождения этого имущества в банкротных процедурах, в режиме погашения расходов на обеспечение сохранности предмета залога и реализации его на торгах, то есть в первоочередном порядке за счет средств, поступивших от реализации предмета залога (пункт 6 статьи 138 Закона о банкротстве).

В силу залога залогодержатель имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обеспеченного залогом обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога) преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя). Помимо стоимости самого предмета залога, залогодержатель также в приоритетном порядке вправе удовлетворить свои требования за счет доходов от использования заложенного имущества третьими лицами или за счет иных источников, непосредственно связанных с предметом залога или заменяющих его (пункты 1 и 2 статьи 334 ГК РФ).

По общему правилу залог, помимо прочего, обеспечивает возмещение необходимых расходов залогодержателя на содержание предмета залога и связанных с обращением взыскания на предмет залога и его реализацией расходов (статья 337 ГК РФ).

При реализации имущества должника-банкрота расходы на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах покрываются за счет средств, поступивших от реализации предмета залога, до расходования этих средств на иные цели (пункт 6 статьи 138 Закона о банкротстве).

Содержание и смысл данной нормы в совокупности с прочими положениями статей 134, 138 Закона о банкротстве, регулирующими очередность удовлетворения требований кредиторов должника-банкрота, указывают на то, что в банкротстве за залоговым кредитором безусловно сохраняется его право преимущественного удовлетворения своих требований перед другими кредиторами, однако реализуется оно в несколько усечённом виде по сравнению с внебанкротными процедурами. Так, часть денежных средств, вырученных от реализации предмета залога, может направляться на погашение требований незалоговых кредиторов (кредиторов первой и второй очередей). Из этих же средств в установленном размере гасятся судебные расходы и расходы по выплате вознаграждения арбитражным управляющим и оплаты услуг привлеченных ими лиц (пункты 1, 2 статьи 138 Закона о банкротстве).

Приоритет удовлетворения требований залогового кредитора реализован в банкротстве на принципе обособленности процедуры, касающийся судьбы залогового имущества, что подразумевает погашение за счет ценности этого имущества обязательств перед залоговым кредитором за минусом всевозможных издержек, связанных собственно с этим имуществом.

В условиях ограниченных возможностей должника-банкрота по удовлетворению всех предъявленных к нему денежных требований такой подход позволяет в определенной степени соблюсти баланс интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве должника, и реализовать принцип соразмерного удовлетворения требований кредиторов при соблюдении прав залогового кредитора.

Исходя из изложенного системное и телеологическое толкование пункта 6 статьи 138 Закона о банкротстве приводит к выводу о необходимости применения правового режима, установленного данной нормой, к обязательствам должника по уплате имущественных налогов, начисленных на залоговое имущество за период нахождения должника в банкротных процедурах.

Противоположный подход, занятый судами, ведет к дисбалансу в объеме прав кредиторов, поскольку имущественная выгода от продажи предмета залога будет предоставляться одному члену названного сообщества - залоговому кредитору, и расходы, непосредственно связанные с этим же имуществом (в данном случае текущие обязательства по уплате имущественных налогов), будут погашаться за счет иных активов должника в ущерб интересам незалоговых кредиторов, что не поддерживается судебной коллегией ввиду явной несправедливости.

[Определение ВС РФ от 15.04.2021 № 305-ЭС20-12714](#)

Если залогодателем является третье лицо, к отношениям, вытекающим из договора залога, подлежат применению правила о поручительстве.

В таком случае предъявление залогодержателем к заемщику требования о досрочном исполнении обязательств по кредитному договору не сокращает срок действия залога. Если в договоре залога срока его действия нет, но имеется срок погашения кредита, договор залога в силу пункта 6 статьи 367 ГК РФ прекращается при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченных залогом обязательств по кредитному договору не предъявит иск к залогодателю (пункт 44 Постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве»).

В таком случае подлежит установлению залоговой статус кредитора в деле о банкротстве, если кредитор обратился с таким заявлением в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченных залогом обязательств по кредитному договору.

Иск о признании отсутствующим зарегистрированного обременения в виде залога по договору залога может быть удовлетворен в том случае, если будет доказано, что запись в государственном реестре недвижимости нарушает право заявителя, которое не может быть защищено иным способом.

АКБ «Абсолют Банк» (ПАО) (банк, кредитор, залогодержатель) обратился в арбитражный суд с иском к АО «Рублевка» (общество, залогодатель) об обращении взыскания на заложенное по договору залога (обипотеке) от 06.09.2016 недвижимое имущество (три земельных участка) путем продажи с публичных торгов, с определением начальной продажной цены.

Определением от 24.06.2019 к производству принят встречный иск АО «Рублевка» к АКБ «Абсолют Банк» (ПАО) о признании отсутствующими обременений в виде ипотек, зарегистрированных на основании двух договоров залога (об ипотеке) в отношении принадлежащих обществу на праве собственности земельных участков.

Судами апелляционной инстанции и округа в удовлетворении первоначального иска отказано. Встречный иск удовлетворен, признаны отсутствующими обременения в виде ипотек, зарегистрированных на основании договоров залога в отношении принадлежащих на праве собственности АО «Рублевка» земельных участков.

Отменяя принятые судебные акты и оставляя в силе решение суда первой инстанции, судебная коллегия установила следующее.

Между банком и обществом «Подיום Маркет» (далее наименование изменено на ООО ИПК «Атлас») (заемщиком) заключен договор от 05.09.2016 о предоставлении невозобновляемой кредитной линии с лимитом выдачи 1 999 526 800 руб.

В обеспечение исполнения обязательств заемщика по кредитному договору между банком (залогодержателем) и АО «Рублевка» (залогодателем) заключен договор залога принадлежащих залогодателю на праве собственности земельных участков. Записи об обременении в отношении указанных объектов недвижимого имущества были внесены в ЕГРН.

При этом договор залога заключен в порядке последующего залога указанных земельных участков, которые уже находились в залоге у банка в силу заключенного ранее с АО «Рублевка» договора залога, обеспечивавшего исполнение обязательств заемщика по иному договору о предоставлении возобновляемой кредитной линии от 01.09.2015.

Во исполнение условий кредитного договора банк предоставил заемщику в кредит денежные средства в размере 1 999 526 799,89 руб.

Обязательства заемщика по возврату банку суммы кредита исполнены частично. И поскольку, начиная с 10.01.2017, заемщик нарушал свои обязательства по своевременной уплате процентов за пользование предоставленными в кредит денежными средствами, банк предъявил ему требование от 11.07.2017 о досрочном исполнении денежных обязательств по кредитному договору, которое заемщиком не исполнено.

Определением от 10.04.2018 в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) ООО ИПК «Атлас» требования банка по кредитному договору признаны обоснованными и включены в третью очередь реестра требований кредиторов должника. Общая сумма задолженности заемщика по кредитному договору составила 969 007 331,81 руб.

Также банком предъявлено требование от 11.07.2017 обществу об обращении взыскания на заложенное имущество в связи с неисполнением заемщиком обеспеченного ипотекой обязательства, которое общество не удовлетворило, в связи с чем банк обратился в арбитражный суд с настоящим иском к залогодателю.

АО «Рублевка» предъявило встречный иск о признании отсутствующими обременений в виде ипотек, зарегистрированных на основании договоров залога, в обоснование которого указало, что первый договор

залога прекратился в связи с прекращением обеспеченного им обязательства – договора о предоставлении возобновляемой кредитной линии от 01.09.2015, а второй договор залога прекратился в связи с непредъявлением банком иска к залогодателю в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного залогом обязательства заемщика по кредитному договору.

В соответствии с пунктом 1 статьи 334 ГК РФ в силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит это имущество (залогодателя), за изъятиями, установленными законом.

По общему правилу залог обеспечивает требование в том объеме, какой оно имеет к моменту удовлетворения, в том числе неустойку (статья 337 ГК РФ).

В силу пунктов 1 и 2 статьи 348 ГК РФ взыскание на заложенное имущество для удовлетворения требований залогодержателя может быть обращено в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обеспеченного залогом обязательства.

Абзацем 2 пункта 1 статьи 335 ГК РФ установлено, что в случае, когда залогодателем является третье лицо, к отношениям между залогодателем, должником и залогодержателем применяются правила статей 364 – 367 ГК РФ, если законом или соглашением между соответствующими лицами не предусмотрено иное.

Согласно пункту 6 статьи 367 ГК РФ поручительство прекращается по истечении указанного в договоре поручительства срока, на который оно дано. Если такой срок не установлен, оно прекращается при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного поручительством обязательства не предъявит иск к поручителю. Когда срок исполнения основного обязательства не указан и не может быть определен или определен моментом востребования, поручительство прекращается, если кредитор не предъявит иск к поручителю в течение двух лет со дня заключения договора поручительства. Предъявление кредитором к должнику требования о досрочном исполнении обязательства не сокращает срок действия поручительства, определяемый исходя из первоначальных условий основного обязательства.

Пленум ВС РФ в пункте 44 постановления от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» разъяснил, что предъявление кредитором к должнику требования о досрочном исполнении основного обязательства, в том числе когда срок исполнения в силу закона считается наступившим ранее, чем предусмотрено условиями этого обязательства, не сокращает срок действия поручительства. В этом случае срок действия поручительства исчисляется исходя из первоначальных условий основного обязательства, как если бы не было предъявлено требование о досрочном исполнении обязательства.

Учитывая, что залогодатель по последующему договору залога не является должником по кредитному договору, названному договором залога срок его действия не установлен, а в кредитном договоре срок погашения кредита определен (16.08.2019), то последующий договор залога в силу пункта 6 статьи 367 ГК РФ прекращается при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченных залогом обязательств по кредитному договору не предъявит иск к залогодателю, при этом предъявление банком к заемщику требования от 11.07.2017 о досрочном исполнении обязательств по кредитному договору не сокращает срок действия залога.

Требование кредитора к должнику по кредитному договору, обеспеченному залогом, включает невозвращенную сумму кредита, просроченные повременные платежи – проценты за пользование кредитом и неустойку (пени) за просрочку уплаты процентов за пользование кредитом.

Поскольку банк обратился с настоящим иском 28.05.2019, действие залога в отношении суммы невозвращенного кредита в размере 743 526 799,89 руб. (срок погашения которого 16.08.2019 установлен кредитным договором) прекращено не было. В связи с этим вывод суда первой инстанции об обращении взыскания для погашения этой задолженности за счет заложенного имущества является обоснованным.

Просроченные (начиная с 10.01.2017, как указывает банк в исковом заявлении) повременные платежи – проценты за пользование кредитом в размере 220 976 422,33 руб. и пени за просрочку их уплаты в размере 4 504 109,59 руб. включены в реестр требований кредиторов должника – заемщика определением от 10.04.2018, следовательно, до этой даты наступил срок исполнения обеспеченных залогом обязательств в смысле статьи 367 ГК РФ и, учитывая дату обращения банка с иском, действие залога в отношении сумм процентов за пользование кредитом и пени за просрочку их уплаты прекращено и обращение взыскания на предмет залога для погашения указанной задолженности невозможно. Однако данное обстоятельство не влияет на правильность вывода суда первой инстанции о необходимости обращения взыскания на заложенное имущество.

Выводы судов апелляционной и кассационной инстанций о прекращении последующего договора залога ввиду несвоевременного обращения банка с иском об обращении взыскания на заложенное имущество и исчисление годичного срока для предъявления требования к залогодателю с момента досрочного истребования исполнения по кредитному договору, положенные в основу судебных актов об отказе в удовлетворении первоначального иска, противоречат положениям статьи 367 ГК РФ и являются необоснованными.

Также судебная коллегия посчитала правильным вывод суда первой инстанции об отсутствии правовых оснований для удовлетворения встречного иска о признании отсутствующим обременения в виде ипотеки, зарегистрированного на основании первого договора залога.

Пункт 1 статьи 25 Закона об ипотеке предусматривает погашение регистрационной записи об ипотеке при поступлении в регистрирующий орган заявления владельца закладной, совместного заявления залогодателя и залогодержателя, заявления залогодателя с одновременным представлением закладной, содержащей отметку владельца закладной об исполнении обеспеченного ипотекой обязательства в полном объеме, либо решения суда, арбитражного суда или третейского суда о прекращении ипотеки.

В отсутствие возможности подачи в регистрирующий орган совместного заявления залогодателя и залогодержателя запись об ипотеке может быть погашена на основании решения суда. Если ипотека по предусмотренным законом основаниям прекратилась, но значится в реестре как существующая для всех третьих лиц, то заинтересованное лицо вправе обратиться в суд с надлежащим требованием, направленным на прекращение зарегистрированного обременения.

По смыслу пункта 52 постановления Пленума ВС РФ, ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» иск о признании зарегистрированного права отсутствующим является исключительным способом защиты, который подлежит применению лишь тогда, когда нарушенное право истца не может быть защищено иными способами, предусмотренными действующим законодательством.

Обращаясь в суд с иском о признании отсутствующим зарегистрированного обременения в виде залога по договору от 01.09.2015, общество должно доказать, что запись в государственном реестре недвижимости нарушает его право, которое не может быть защищено иным способом.

[Определение ВС РФ от 20.04.2021 № 307-ЭС19-23438 \(8\)](#)

Государственная регистрация договора является необходимым условием возникновения у участника долевого строительства ипотеки в отношении земельного участка, объекта незавершенного строительства или объекта долевого строительства, в связи с чем требование кредитора к застройщику может быть признано обеспеченным залогом только в том случае, если договор долевого участия был зарегистрирован в установленном законом порядке.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества «Арена» Одинцов В.В. обратился в суд с заявлением о признании его требования, включенного в четвертую очередь реестра требований кредиторов общества «Арена», обеспеченным залогом имущества указанного общества.

Судом округа требование Одинцова В.В. признано обеспеченным залогом имущества общества «Арена».

Общество «Арена» (продавец) и Одинцов В.В. (покупатель) 20.12.2013 заключили договор, поименованный договором купли-продажи будущего недвижимого имущества с условием о предварительной оплате, по которому продавец обязался передать покупателю в собственность нежилое помещение, право собственности на которое у общества «Арена» возникнет в будущем, а покупатель обязался принять недвижимость и выплатить за нее продавцу 39 500 000 рублей.

Одинцов В.В. внес 24.12.2013 частичную предварительную оплату по договору в сумме 11 500 000 рублей.

Продавец свои обязательства по сделке не исполнил.

Определением от 21.03.2018 возбуждено дело о несостоятельности общества «Арена». Это дело рассматривается по правилам о банкротстве застройщиков. Решением от 30.07.2018 общество «Арена» признано банкротом, в отношении него открыто конкурсное производство.

В процедуре конкурсного производства определением от 15.01.2019 о включении требования Одинцова В.В. в сумму 11 500 000 рублей в четвертую очередь реестра требований кредиторов общества «Арена» и об отказе в признании за Одинцовым В.В. права собственности на незавершенный строительством объект – нежилое помещение.

В дальнейшем – 14.10.2019 – Одинцов В.В. обратился в суд с заявлением о признании упомянутого денежного требования обеспеченным залогом имущества общества «Арена».

К требованию Одинцова В.В. не подлежали применению положения Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

Так, согласно части 3 статьи 4 Закона № 214-ФЗ договор долевого участия в строительстве подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации.

Государственная регистрация договора является необходимым условием возникновения у участника долевого строительства ипотеки в отношении земельного участка, объекта незавершенного строительства или объекта долевого строительства (части 1, 2 и 3 статьи 13 Закона № 214-ФЗ).

Настаивая на квалификации денежного требования в качестве обеспеченного залогом, Одинцов В.В., по сути, просит признать за ним преимущественное право на получение удовлетворения за счет имущества общества «Арена», находящегося, как он полагает, в залоге, то есть противопоставляет требованиям иных кредиторов общества «Арена» к конкурсной массе свое требование, считая его приоритетным. Однако другие кредиторы общества «Арена» не являются сторонами сделки, заключенной с Одинцовым В.В. Поэтому в силу пункта 2 статьи 8.1 ГК РФ при решении вопроса о распределении конкурсной массы между ними и Одинцовым В.В. на стороне последнего преимущества, вытекающие из залога, могли возникнуть лишь с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, а не с момента заключения договора.

Поскольку договор от 20.12.2013 не был зарегистрирован, к нему неприменимы положения Закона № 214-ФЗ о возникновении залога в силу закона.

Торги.

[Определение ВС РФ от 17.03.2021 № 305-ЭС16-19742 \(6\)](#)

В случае если перед судом ставится вопрос об утверждении положения о порядке, сроках и условиях проведения торгов по продаже принадлежащего предприятию права аренды земельных участков, суду необходимо установить, является ли право аренды оборотоспособным имущественным правом должника, а также имеет ли должник право производить распоряжение правом аренды.

В случае, если должник является государственным унитарным предприятием, владеющим на праве аренды земельными участками, находящимися в собственности публично-правового образования, право аренды этих участков не было активом, который он до банкротства имел возможность ввести в гражданский оборот путем отчуждения за плату. Сам по себе факт последующего признания арендатора несостоятельным (банкротом) в судебном порядке не влияет на объем его правомочий по распоряжению правом аренды. Действующее законодательство не содержит положений о том, что право аренды, которым арендатор не вправе был распоряжаться, может быть передано им другому лицу лишь на том основании, что после заключения договора аренды вынесено судебное решение о признании арендатора банкротом.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) ФГУП «Толстопальцево» (должник, предприятие) его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением об утверждении положения о порядке, сроках и условиях проведения торгов по продаже принадлежащего предприятию права аренды пяти земельных участков.

Судами трех инстанций положение о продаже утверждено в редакции, предложенной конкурсным управляющим.

Суть договора аренды заключается в предоставлении арендатору имущества его собственником за плату во временное владение и пользование или во временное пользование (статья 606 ГК РФ).

При разрешении вопроса о том, является ли полученное арендатором право аренды его оборотоспособным активом, необходимо, прежде всего, определить правомочия арендатора по распоряжению этим правом.

Действительно, по общему правилу, закрепленному в пункте 9 статьи 22 Земельного кодекса РФ, при аренде земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на срок более пяти лет арендатор имеет право в пределах срока договора аренды земельного участка передавать свои права и обязанности по этому договору третьему лицу без согласия собственника участка при условии его уведомления.

Однако, как указано в пункте 9 статьи 22 Земельного кодекса, приведенное общее правило о свободной передаче арендатором права долгосрочной аренды публичного земельного участка другим лицам применяется, если иное не предусмотрено федеральным законом.

В отношении государственных унитарных предприятий законодательный запрет на передачу ими прав и обязанностей по договорам аренды земельных участков, находящихся в публичной собственности, иным хозяйствующим субъектам (кроме случаев заключения концессионных соглашений) прямо установлен подпунктом 2 пункта 5 статьи 18 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях».

Поскольку должник является государственным унитарным предприятием, владеющим на праве аренды земельными участками, находящимися в собственности публично-правового образования, право аренды этих участков не было активом, который он до банкротства имел возможность ввести в гражданский оборот путем отчуждения за плату.

Сам по себе факт последующего признания арендатора несостоятельным (банкротом) в судебном порядке не влияет на объем его правомочий по распоряжению правом аренды. Действующее законодательство не содержит положений о том, что право аренды, которым арендатор не вправе был распоряжаться, может быть передано им другому лицу лишь на том основании, что после заключения договора аренды вынесено судебное решение о признании арендатора банкротом. Наоборот, согласно пункту 1 статьи 131 Закона о банкротстве в конкурсную массу должника включается все его имущество, в том числе имущественные права, имеющиеся на день открытия конкурсного производства и выявленные в ходе конкурсного производства.

Коль скоро предприятие не обладало правомочиями по распоряжению правом аренды пяти земельных участков, находящихся в публичной собственности, на день открытия конкурсного производства и

впоследствии не возникли законные основания для приобретения соответствующего правомочия, положение о порядке реализации данного необоротоспособного права не могло быть утверждено судами.

Банкротство гражданина.

[Определение ВС РФ от 25.03.2021 № 310-ЭС20-18855](#)

Смена регистрационного учета в преддверии возбуждения дела о банкротстве означает высокую вероятность наличия в действиях должника-гражданина признаков недобросовестности. При установлении манипулирования подсудностью в результате изменения регистрационного учета дело о банкротстве подлежит рассмотрению арбитражным судом по действительному месту жительства такого должника в Российской Федерации.

Отсутствие в рамках дела о банкротстве судебного акта о признании обоснованным требования кредитора при наличии судебного акта о принятии такого требования к производству и рассмотрению суда не препятствует кредитору обратиться в суд с заявлением о передаче дела о банкротства по подсудности.

В рамках дела о банкротстве индивидуального предпринимателя Харченко М.В. (должник) общество «Бензо-Транзит» обратилось в Арбитражный суд Воронежской области с заявлением о передаче дела о банкротстве Харченко М.В. на рассмотрение Арбитражного суда Амурской области.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

Как установлено судами и следует из материалов обособленного спора, 09.08.2019 Харченко М.В. снята с регистрационного учета в г. Благовещенске и 11.09.2019 зарегистрирована в г. Воронеже, что подтверждается отметкой в паспорте должника и адресной справкой от 17.10.2019.

Дело о банкротстве должника возбуждено определением Арбитражного суда Воронежской области от 10.10.2019 по заявлению Харченко А.Н.

Общество «Бензо-Транзит», ссылаясь на осуществление должником предпринимательской деятельности на территории Амурской области, обратилось в Арбитражный суд Воронежской области с настоящим заявлением.

Целью закона, установившего подсудность дела о банкротстве гражданина по месту его жительства, является создание благоприятных условий для быстрого и правильного разрешения дела как для должника-банкрота, так и для его кредиторов, поскольку в этом регионе, как правило, сосредоточены основные экономические интересы указанных лиц, здесь же находится имущество должника или его значительная часть, расположены управленческие подразделения кредиторов – юридических лиц. Следовательно, разрешение спорных вопросов по центру основных интересов должника, а также интересов его кредиторов ведет к оптимизации финансовых и организационных издержек участников дела о банкротстве на судебные процедуры, которые, исходя из сложности и многоэпизодности дел о банкротстве, могут быть достаточно весомыми.

Место регистрации гражданина в органах регистрационного учета в подавляющем большинстве случаев имеет решающее значение для определения территориальной подсудности дела о банкротстве.

Так, согласно части 4 статьи 38 АПК РФ, пункту 1 статьи 33 Закона о банкротстве заявление о признании гражданина банкротом подается в арбитражный суд по месту его жительства.

Однако в исключительных случаях данная презумпция может быть опровергнута, если заинтересованное лицо (например, кредитор) докажет, что содержащаяся в документах регистрационного учета информация не отражает сведения о настоящем месте жительства должника. В целях выяснения соответствующих обстоятельств во внимание, в первую очередь, могут приниматься факты, свидетельствующие о необычном характере поведения должника при смене регистрационного учета в период инициирования дела о несостоятельности.

Аналогичная правовая позиция изложена в определениях ВС РФ от 25.02.2019 № 305-ЭС18-16327, от 21.03.2019 № 308-ЭС18-25635, от 25.07.2019 № 306-ЭС19-3574.

Если заинтересованное лицо привело убедительные доводы и представило доказательства, порождающие у суда обоснованные сомнения относительно соответствия данных регистрационного учета должника реальному положению дел, на последнего переходит бремя подтверждения того, что изменение учетных данных обусловлено объективными причинами и связано с переездом на жительство в другой регион.

При этом следует признать, что смена регистрационного учета в преддверии возбуждения дела о банкротстве влечет высокую вероятность наличия в действиях должника по изменению места регистрации признаков недобросовестности.

В рассматриваемом случае общество «Бензо-Транзит» указывало на необычность поведения должника, а именно инициирование банкротства должника (заявление подано бывшим супругом должника Харченко А.Н. 24.09.2019) спустя тринадцать дней после регистрации должника в г. Воронеже. Смена регистрации произведена в период судебного процесса по делу о взыскании обществами «Бензо-Транзит» и

«Бензо» задолженности с Харченко М.В. (иск удовлетворен решением от 23.09.2019). При этом упомянутые лица о смене адреса должника не извещены, в то время как Харченко А.Н. письменно уведомлен о смене места жительства. Задолженность перед Харченко А.Н. подтверждена решением от 01.03.2019 Благовещенского городского суда Амурской области, последний проживает в г. Благовещенске, но настаивает на рассмотрении дела о банкротстве должника в г. Воронеже. Должник и Харченко А.Н. являются лицами, контролирующими деятельность ООО «ТрансОйлСервис», их интересы представляет одно и то же лицо (Нечаева Д.В.), что в совокупности с выборочным извещением кредиторов о смене места проживания не может не вызвать обоснованные сомнения в их добросовестности.

Также общество «Бензо-Транзит» обращало внимание на то, что в Амурской области рассматривается множество исков с участием должника, а также ведется уголовное преследование, в отношении Харченко М.В. избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде (справка о регистрации должника по месту пребывания в г. Благовещенске, которая подтверждает проживание в этом городе с 30.09.2019 по 27.09.2020). Кроме этого, практически все предъявившие к должнику требования кредиторы находятся на территории Амурской области.

При этом доводы о ведении должником предпринимательской деятельности в Воронежской области не подтверждены надлежащими доказательствами (первичными документами – актами оказания услуг, транспортными накладными и т.п.), а регистрация должником юридического лица (ООО «Лидерспецтранс») на территории г. Воронежа произведена после возбуждения дела о банкротстве и подачи настоящего заявления.

В силу принципов равноправия сторон и состязательности (статьи 8, 9 АПК РФ) арбитражный суд не вправе уклониться от оценки доводов участвующих в деле о банкротстве лиц о злоупотреблениях должника, выразившихся в манипулировании территориальной подсудностью.

Данным доводам, которые могут свидетельствовать о недобросовестном поведении должника и его кредиторов, суды надлежащей оценки не дали, фактическое место проживания и ведения реальной предпринимательской деятельности должника не выявили, а также не приняли во внимание возможное создание значительных препятствий участия в деле для кредиторов в связи с отдаленностью места проведения судебных заседаний от места их регистрации и фактического нахождения.

В целях проверки достоверности сведений о месте жительства гражданина, указанных в заявлении о признании должника банкротом, арбитражный суд вправе не ограничиваться запросом данных о его месте жительства в органах регистрационного учета (пункт 5 постановления № 45), а провести более глубокую проверку.

Если действительное место жительства должника не соответствует данным регистрационного учета и имеются основания сделать вывод о манипулировании подсудностью, дело о банкротстве такого должника подлежит

рассмотрению арбитражным судом по действительному месту жительства гражданина в Российской Федерации.

В то же время подлежат проверке и доводы Харченко М.В. о том, что причиной смены места жительства явилась организованная обществом «Бензо-Транзит» масштабная компания по подрыву ее деловой репутации, приведшая к невозможности дальнейшего проживания и осуществления предпринимательской деятельности на территории Амурской области.

Избранный судами формальный подход может стимулировать недобросовестных должников к созданию искусственных условий для изменения территориальной подсудности дела о банкротстве с целью затруднения кредиторам реализации принадлежащих им прав на получение с должника причитающегося исполнения в процедуре несостоятельности, что не соответствует целям законодательного регулирования банкротства граждан.

[Определение ВС РФ от 06.04.2021 № 305-ЭС20-22249](#)

В случае, если при разводе супругов судом были определены доли каждого из них в праве общей совместной собственности участника общества с ограниченной ответственностью, ранее принадлежавшие одному из супругов целиком, второй супруг приобретает лишь имущественные права на долю в уставном капитале, но не получает корпоративные права как участник данного хозяйствующего субъекта. В целях приобретения таких прав супруг (бывший супруг) должен соблюсти необходимую корпоративную процедуру: получить согласие участников общества на вхождение в состав участников общества.

Внесение в ЕГРЮЛ общества изменений в части указания второго супруга в качестве участника общества не ведет к появлению у данного физического лица корпоративных прав, в связи с чем, если таким супругом вышеуказанная процедура получения статуса участника общества не была соблюдена, правомерны требования соучредителей о переводе доли уставного капитала на общество.

Плаксин Д.Г. обратился в арбитражный суд с иском к Парфеновой Т.В. о переводе доли уставного капитала общества Фирма «АДА» в размере 25% на общество. Судами трех инстанций в иске отказано.

Как следует из материалов дела и установлено судами, Полонскому Д.Б. принадлежало 50% доли уставного капитала общества Фирма «АДА». Другими участниками указанного общества являлись Плаксин Д.Г., с долей участия 37,50%, и Жабина Ю.В., владевшая 12,50% доли уставного капитала.

Полонский Д.Б. с 23.04.2005 состоял в зарегистрированном браке с гражданкой Парфеновой Т.В., который на основании решения суда прекращен 10.01.2017.

Решением от 02.11.2016 Полонский Д.Б. признан несостоятельным (банкротом).

Между бывшими супругами Полонским Д.Б. и Парфеновой Т.В. в судебном порядке был осуществлен раздел имущества, находившегося в общей совместной собственности. В соответствии с решением районного суда от 04.12.2018, доли Парфеновой Т.В. и Полонского Д.Б. в праве общей собственности участника общества Фирма «АДА» на 50% доли уставного капитала определены равными, по 25% каждого.

На основании заявления Парфеновой Т.В. регистрирующим органом в ЕГРЮЛ 04.10.2019 внесена запись, в соответствии с которой бывшая супруга Полонского Д.Б. является участником общества с долей 25% уставного капитала.

Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 17.07.2014 № 1694-О сформулирована правовая позиция о том, что положение абзаца третьего пункта 18 статьи 21 Закона об обществах, позволяющее обществу с ограниченной ответственностью и его участникам в случае отчуждения либо перехода доли или части доли в уставном капитале общества к третьим лицам, с нарушением установленного законом порядка, потребовать в судебном порядке передачи доли или части доли обществу, направлено на обеспечение баланса интересов участников общества и интересов общества с ограниченной ответственностью в

целом и не может расцениваться как нарушающее право участника, закрепленное в статье 35 Конституции Российской Федерации.

В определениях от 21.12.2006 № 550-О, от 03.07.2014 № 1564-О Конституционный Суд Российской Федерации указал на то, что положение пункта 2 статьи 21 Закона об обществах о возможности отчуждения доли (части доли) третьим лицам по своему характеру является диспозитивным, что предоставляет правоучастникам предусмотреть в уставе общества, особенностью которого является стабильный состав его участников, запрет на продажу или отчуждение иным образом участником общества своей доли (части доли) в уставном капитале общества третьим лицам; предусмотреть необходимость получения согласия участников общества при продаже или отчуждении иным образом участником своей доли (части доли) в уставном капитале общества третьему лицу.

При этом внесение одним из супругов вклада в уставный капитал общества с ограниченной ответственностью и, следовательно, приобретение именно им статуса участника общества предполагает (по смыслу статьи 35 СК РФ), что другой супруг дал свое согласие на подобное распоряжение общим имуществом супругов, тем самым согласившись и с положениями устава организации, указывающими на необходимость получения согласия других участников общества на отчуждение участником общества своей доли (части доли) в уставном капитале общества третьим лицам, т.е. на включение его в «свой» круг участников общества (определение КС РФ от 03.07.2014 № 1564-О).

Раздел имущества супругов, который производится по правилам, установленным статьями 38, 39 СК РФ и статьей 254 ГК РФ (пункт 15 постановления Пленума ВС РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»), является основанием для возникновения, изменения и прекращения прав и обязанностей супругов в отношении их совместной собственности и, соответственно, является сделкой (статья 153 ГК РФ).

В случае присуждения супругу (бывшему супругу) в порядке раздела совместно нажитого имущества доли в уставном капитале общества, отчуждение долей которого третьим лицам ограничено, такой супруг (бывший супруг) получает право обратиться к обществу с требованием о вхождении в состав участников общества. Право на получение действительной стоимости доли у супруга (бывшего супруга) возникает только в случае отказа других участников в переходе прав на долю или ее часть к такому лицу (пункт 1 статьи 6 ГК РФ, пункт 5 статьи 23 Закона об обществах).

Из пункта 6.2 устава общества Фирма «АДА» усматривается, что участник общества вправе продать или осуществить отчуждение иным образом своей доли или части доли в уставном капитале общества одному или нескольким участникам общества, а также третьему лицу. На совершение сделки, в результате которой доля в обществе перейдет в собственность третьему лицу, требуется согласие общего собрания участников общества, принимаемое единогласно.

В решении районного суда указано на то, что Парфенова Т.В. приобрела лишь имущественные права на долю уставного капитала общества, но не стала участником юридического лица и не приобрела корпоративное право, как участник данного хозяйствующего субъекта, в связи с чем судом не разрешался вопрос о приобретении ею статуса участника общества.

В данном случае Парфенова Т.В., приобретая право на долю в уставном капитале общества Фирма «АДА» в результате раздела общего имущества супругов, должна была соблюсти необходимую корпоративную процедуру: получить согласие участников общества на вхождение в их состав.

Решение регистрирующего (налогового) органа о внесении сведений в ЕГРЮЛ о Парфеновой Т.В. как участнике общества само по себе не ведет к возникновению у указанного лица корпоративных прав.

[Определение ВС РФ от 19.04.2021 № 306-ЭС20-20820](#)

В процедурах банкротства гражданин-должник обязан предоставить информацию о его финансовом положении, в том числе сведения о его имуществе с указанием его местонахождения, об

источниках доходов, о наличии банковских и иных счетов и о движении денежных средств по ним. Неисполнение данной обязанности неприемлемо для получения привилегий посредством банкротства, поэтому непредставление гражданином необходимых сведений (представление заведомо недостоверных сведений) является обстоятельством, препятствующим освобождению гражданина от обязательств. Исключения могут составлять случаи, если должник доказал, что информация не была раскрыта ввиду отсутствия у него реальной возможности ее предоставить, его добросовестного заблуждения в ее значимости или информация не имела существенного значения для решения вопросов банкротства. Также не может освобождаться от обязательств должник, действовавший при возникновении или исполнении своих обязательств, на которых конкурсный кредитор основывал свое требование, незаконно (пытался вывести активы, совершил мошенничество, скрыл или умышленно уничтожил имущество и т.п.).

Михайлов А.Е. в 2008 году был работником общества "Инвестгазпром".

01.10.2008 общество "Инвестгазпром" предоставило Михайлову А.Е. заем на 700 000 руб. до 31.03.2014 под два процента годовых и по поручению последнего в тот же день перечислило указанную сумму обществу "Флайт Авто" в счёт оплаты покупки для Михайлова А.Е. автомобиля. Михайлов А.Е. обязался погасить заем и проценты путем удержания займодавцем денежных средств из зарплаты заёмщика, однако 03.10.2008 уволился из общества "Инвестгазпром" и не вернул последнему ни долг, ни проценты.

Решением районного суда от 24.06.2015 по иску общества "Инвестгазпром" с Михайлова А.Е. взыскано 700 000 руб. долга по займу и 92 745,33 руб. процентов по состоянию на 15.05.2015.

В связи с неисполнением судебного решения 29.11.2016 общество "Инвестгазпром" (признано банкротом 25.08.2014) в лице его конкурсного управляющего обратилось в арбитражный суд с заявлением о банкротстве Михайлова А.Е.

26.01.2017 возбуждено дело о банкротстве Михайлова А.Е., 18.05.2017 суд признал Михайлова А.Е. банкротом и открыл процедуру реализации имущества гражданина. В третью очередь реестра требований кредиторов должника включено требование общества "Инвестгазпром" в сумме 792 745,33 руб. (долг и проценты по займу).

Впоследствии требование общества "Инвестгазпром" к Михайлову А.Е. было реализовано с торгов, в связи с чем кредитор был заменен на Бормотова А.С.

16.12.2019 в арбитражный суд поступило ходатайство финансового управляющего о завершении процедуры реализации имущества Михайлова А.Е. Бормотов А.С. не возражал против удовлетворения данного ходатайства, но мотивированно настаивал на отказе в освобождении должника от требований кредиторов, поскольку имелись обстоятельства, указывающие на недобросовестное поведение Михайлова А.Е.

Судами трех инстанций процедура реализации имущества Михайлов А.Е. завершена и должник освобожден от дальнейшего исполнения требований кредиторов. Выводы судов об освобождении должника от обязательств мотивированы отсутствием обстоятельств, свидетельствовавших об умышленном уклонении должника от исполнения своих обязательств перед кредиторами.

Институт банкротства – это крайний (экстраординарный) способ освобождения от долгов, поскольку в результате его применения могут в значительной степени ущемляться права кредиторов, рассчитывавших на получение причитающегося им. Процедура банкротства не предназначена для необоснованного ухода от ответственности и прекращения долговых обязательств, а судебный контроль над этой процедурой помимо прочего не позволяет ее использовать с противоправными целями и защищает кредиторов от фиктивных банкротств.

Законодательство о банкротстве устанавливает стандарт добросовестности, позволяя освободиться от долгов только честному гражданину-должнику, неумышленно попавшему в затруднительное финансово-экономическое положение, открытому для сотрудничества с финансовым управляющим, судом и кредиторами и оказывавшему им активное содействие в проверке его имущественной состоятельности и соразмерном удовлетворении требований кредиторов.

Проверка добросовестности осуществляется как при наличии обоснованного заявления стороны спора, так и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если другие стороны на них не ссылались. При установлении недобросовестности одной из сторон суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения применяет меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (абзацы 4-5 пункта 1 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации").

В процедурах банкротства гражданин-должник обязан предоставить информацию о его финансовом положении, в том числе сведения о его имуществе с указанием его местонахождения, об источниках доходов, о наличии банковских и иных счетов и о движении денежных средств по ним (пункт 3 статьи 213.4, пункт 6 статьи 213.5 Закона о банкротстве). Неисполнение данной обязанности, с одной стороны, не позволяет оказать гражданину действенную и эффективную помощь в выходе из кризисной ситуации через процедуру реструктуризации долгов, а с другой – создает препятствия для максимально полного удовлетворения требований кредиторов, свидетельствует о намерении получить не вытекающую из закона выгоду за счет освобождения от обязательств перед кредиторами.

Подобное поведение неприемлемо для получения привилегий посредством банкротства, поэтому непредставление гражданином необходимых сведений (представление заведомо недостоверных сведений) является обстоятельством, препятствующим освобождению гражданина от обязательств (абзац 3 пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве). Исключения могут составлять случаи, если должник доказал, что информация не была раскрыта ввиду отсутствия у него реальной возможности ее предоставить, его добросовестного заблуждения в ее значимости или информация не имела существенного значения для решения вопросов банкротства.

Если должник при возникновении или исполнении своих обязательств, на которых конкурсный кредитор основывал свое требование, действовал незаконно (пытался вывести активы, совершил мошенничество, скрыл или умышленно уничтожил имущество и т.п.), то в силу абзаца 4 пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве эти обстоятельства также лишают должника права на освобождение от долгов, о чем указывается судом в судебном акте. По этому же основанию не допускается и освобождение гражданина от обязательств по завершении процедуры внесудебного банкротства гражданина (пункт 2 статьи 223.6 Закона о банкротстве).

Как указано в пункте 42 постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2015 № 45 "О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан", целью положений пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве является обеспечение добросовестного сотрудничества должника с судом, финансовым управляющим и кредиторами. Указанная норма направлена на недопущение сокрытия должником каких-либо обстоятельств, которые могут отрицательно повлиять на возможность максимально полного удовлетворения требований кредиторов, затруднить разрешение судом вопросов, возникающих при рассмотрении дела о банкротстве, или иным образом воспрепятствовать рассмотрению дела.

В пунктах 43, 44 того же постановления разъяснено, что обстоятельства, связанные с сокрытием должником необходимых сведений могут быть установлены судом на любой стадии дела о банкротстве должника в любом судебном акте, при принятии которого данные обстоятельства исследовались судом и были отражены в его мотивировочной части, а совершение должником иных противоправных действий может подтверждаться обстоятельствами, установленными как в рамках любого обособленного спора по делу о банкротстве должника, так и в иных делах.

Вопреки указанным правовым нормам, освобождая Михайлова А.Е. от долгов, суды не приняли во внимание факты, ранее установленные и оцененные этими же судами при рассмотрении дела о его банкротстве. Так, в частности, ранее судами было установлено, что сразу же после принятия судебного

решения о взыскании с Михайлова А.Е. задолженности (24.06.2015) он незамедлительно (27.06.2015 и 01.07.2015) продал свой автомобиль по заниженной цене Рубцову Н.В. и подарил своей супруге земельный участок с хозяйственным строением на нем (переход права собственности на недвижимость зарегистрирован 14.07.2015). В деле о банкротстве Михайлова А.Е. эти сделки оспорены и признаны недействительными по статье 10 ГК РФ, поскольку суды усмотрели в действиях должника намерение сокрыть свое имущество, избежать обращения на него взыскания и тем самым причинить вред кредиторам.

После вступления в силу судебного определения, обязывавшего Рубцова Н.В. вернуть Михайлову А.Е. действительную стоимость автомобиля, Рубцов Н.В. 30.03.2018 передал денежные средства должнику. Однако, в конкурсную массу Михайлов А.Е. деньги не передал и на специальный банковский счет они не поступали. Данные факты установлены в деле о банкротстве определением от 10.10.2018.

Определением от 23.04.2018 суд обязал Михайлова А.Е. передать финансовому управляющему финансовую документацию должника, признав, что Михайлов А.Е. уклоняется от исполнения обязанности, предписанной пунктом 9 статьи 213.9 Закона о банкротстве, и не выполняет требования финансового управляющего.

Не принимая во внимание данные факты при разрешении вопроса об освобождении Михайлова А.Е. от долгов, суды пришли к противоречивым выводам, поскольку сначала они усматривали в действиях должника недобросовестность и злоупотребления, а затем отказались от этих выводов, по существу ничем не мотивировав свою позицию.

В судебном заседании подтвердились и доводы заявителя кассационной жалобы о том, что в материалах дела имеются отчеты финансового управляющего, содержащие сведения о наличии у Михайлова А.Е. признаков фиктивного банкротства. Судами эти документы не оценены.

Суды не исследовали поведение Михайлова А.Е. при возникновении задолженности перед обществом "Инвестгазпром" и не дали ему оценку. В то же время получение им займа от организации-работодателя с обещанием его погасить из зарплаты и последующее немедленное увольнение с работы позволяет усомниться в добросовестности поведения должника и может квалифицироваться как незаконные действия должника при возникновении непогашенного обязательства, что также является основанием для отказа от освобождения гражданина от обязательств (абзац 4 пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве).

Вопреки выводам судов, наличие судебного акта, которым суд обязал должника предоставить финансовому управляющему сведения о своем имуществе, подтверждает неисполнение Михайловым А.Е. этой обязанности своевременно и добровольно. Последующее отыскание финансовым управляющим в ходе банкротных процедур сокрытого должником имущества не освобождает последнего от ответственности за совершенные ранее противоправные действия.

Прочие вопросы.

[Определение ВС РФ от 09.03.2021 № 301-ЭС20-19679](#)

Постановлением № 41-П Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что не подлежит применению подпункт 15 пункта 2 статьи 146 Налогового кодекса РФ в том истолковании, которое исключало бы предоставление вычета по НДС налогоплательщикам, которым была предъявлена сумма этого налога в цене продукции, произведенной организацией, признанной в соответствии с законодательством Российской Федерации несостоятельной (банкротом), в процессе ее текущей хозяйственной деятельности. Покупатели продукции такой организации, реализованной ею с выставлением счета-фактуры, в котором выделена сумма НДС, имеют право на вычет по этому налогу, если не будет установлено, что его сумма, учтенная в цене продукции, произведенной и реализованной такой организацией в процессе ее текущей хозяйственной деятельности, при объеме и структуре ее

долгов заведомо для ее конкурсного управляющего и для покупателя указанной продукции не могла быть уплачена в бюджет.

Суду при установлении законности применения контрагентом должника вычета по НДС необходимо установить, являлось ли для покупателя заведомо ясным, что должник, продолживший ведение своей текущей хозяйственной деятельности после открытия конкурсного производства, не имеет объективной возможности уплатить НДС от реализации товара, а также имелось ли участие налогоплательщика в совместных с должником действиях, направленных на получение необоснованной налоговой выгоды за счет применения вычетов по НДС при приобретении товара.

Налоговым органом проведена камеральная налоговая проверка представленной обществом (налогоплательщик) декларации по налогу на добавленную стоимость (НДС) за второй квартал 2017 года, принято решение о привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения в виде штрафа в размере 21 847 рублей, а также о доначислении НДС.

Не согласившись с результатами налоговой проверки, налогоплательщик обратился в арбитражный суд с заявлением, в котором просил признать решение инспекции недействительным.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

При исчислении НДС за второй квартал 2017 года общество приняло к вычету сумму налога – 1 747739 рублей, предъявленную при приобретении у общества «Михайловское» (поставщик) молока на основании договора поставки от 01.04.2016.

На момент заключения договора решением от 25.02.2016 по делу № А82-3011/2013 общество «Михайловское» признано несостоятельным (банкротом).

По результатам налоговой проверки инспекцией установлено, что спорная сумма НДС принята к вычету с нарушением требований подпункта 15 пункта 2 статьи 146 Налогового кодекса РФ, согласно которому не признаются объектом обложения НДС операции по реализации имущества и (или) имущественных прав должников, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации несостоятельными (банкротами). На основании изложенного налоговый орган пришел к выводу об отсутствии предусмотренных пунктом 2 статьи 171 Налогового кодекса оснований для вычета сумм НДС у общества по необлагаемым операциям.

Верховный суд указал, что судам следовало установить, являлось ли для налогоплательщика – покупателя заведомо ясным, что общество «Михайловское», продолжившее ведение своей текущей хозяйственной деятельности после открытия конкурсного производства, не имеет объективной возможности уплатить НДС при реализации молока, и в том случае, когда имущества должника оказалось недостаточно для уплаты НДС по текущим обязательствам – дать оценку поведению уполномоченного налогового органа в ходе производства по делу о банкротстве, установив, принимались ли уполномоченным органом меры к прекращению организацией, признанной несостоятельной (банкротом), текущей хозяйственной деятельности, в процессе которой производилось и реализовывалось молоко.

При этом из содержания Постановления Конституционного суда РФ № 41-П следует, что вывод о заведомой неуплате НДС поставщиком – банкротом не может вытекать из самого факта открытия в отношении поставщика процедуры конкурсного производства, а допустим при условии, что налоговым органом будет установлено участие покупателя в получении необоснованной налоговой выгоды в результате совместных с поставщиком и иными лицами действий, с учетом критериев обоснованности налоговой выгоды, закрепленных в статье 54¹ Налогового кодекса и постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006

№ 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» (далее – постановление Пленума № 53).

Это подразумевает необходимость доказывания налоговым органом факта причастности налогоплательщика к нарушениям, допущенным в процессе обращения товаров (работ, услуг) – направленность действий налогоплательщика на получение экономического эффекта за счет

непосредственного участия в уклонении от уплаты НДС совместно с лицами, не осуществлявшими реальной экономической деятельности, а равно информированность налогоплательщика о допущенных этими лицами нарушениях. Например, исключается возможность применения налоговых вычетов НДС полностью или в соответствующей части в ситуациях, когда налогоплательщик участвовал в согласованных с иными лицами действиях, направленных на неправомерное уменьшение налоговой обязанности за счет искусственного наращивания стоимости товаров (работ, услуг) без формирования источника вычета (возмещения) налога, или, если ему было известно о действиях иных лиц, уклоняющихся от уплаты НДС в процессе обращения товаров (работ, услуг) (определения ВС РФ от 25.01.2021 № 309-ЭС20-17277, от 28.05.2020 № 305-ЭС19-16064).

Иной подход к определению установленных главой 21 Налогового кодекса условий для применения налоговых вычетов лицом, приобретшим продукцию у организации, правомерно продолжившей ведение своей текущей хозяйственной деятельности в период конкурсного производства, не может быть поддержан Судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации, поскольку при его применении в неблагоприятное положение ставятся, прежде всего, добросовестные участники хозяйственного оборота только в связи с фактом вступления в отношения с банкротом. В результате, бремя уплаты НДС переносится с организации – должника, признанного финансово несостоятельным (банкротом), на хозяйствующего субъекта – покупателя, который, не имея основания к вычету ни суммы НДС по приобретенной у должника изготовленной им готовой продукции, ни суммы НДС, исчисленной предыдущими участниками процесса товародвижения, должен уплатить налог в бюджет непосредственно от величины собственного облагаемого налогом оборота, что ставит покупателя в неравное и более обременительное положение в сравнении с иными лицами, ведущими такую же экономическую деятельность.

В данном случае при рассмотрении дела налогоплательщик последовательно указывал, что приобретал молоко у общества «Михайловское» для ведения облагаемой НДС деятельности, а именно, в целях оптовой продажи молока и производства молочной продукции, что в соответствии с пунктом 2 статьи

171 Налогового кодекса является основанием для принятия к вычету сумм налога, предъявленных контрагентом в уплаченной ему цене.

Какие-либо обстоятельства, подтверждающие участие налогоплательщика в совместных с обществом

«Михайловское» действиях, направленных на получение необоснованной налоговой выгоды за счет применения вычетов НДС при приобретении молока, суды не установили. В частности, из материалов дела не следует, что налогоплательщик является взаимозависимым (заинтересованным) лицом по отношению к обществу «Михайловское», а равно по отношению к контролирующим лицам поставщика и (или) выступает бенефициаром (выгодоприобретателем) незаконных сделок, совершенных с участием поставщика.

Вопреки выводу судов, опубликование в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве информации о недостаточности имущества должника, с которой мог ознакомиться налогоплательщик – покупатель, не является основанием для вывода о получении покупателем необоснованной налоговой выгоды.

Исходя из пункта 1 статьи 54¹ Налогового кодекса, пунктов 9 и 10 постановления Пленума № 53, налоговая выгода признается необоснованной при наличии признака противоправности в поведении налогоплательщика и иных участников обращения товаров (работ, услуг). Однако само по себе ухудшение финансового положения поставщика и (или) открытие в его отношении процедуры конкурсного производства не означает установления запрета для вступления иных субъектов оборота в гражданско-правовые (хозяйственные) отношения с таким лицом, а равно не позволяет утверждать, что поведение поставщика, продолжившего ведение своей хозяйственной деятельности, становится противоправным.

Текущая задолженность по НДС подлежит уплате за счет имущества должника вне зависимости от наличия притязаний кредиторов, требования которых возникли до возбуждения дела о банкротстве и включены в реестр, а налоговым органом – должны приниматься меры по ее взысканию согласно статье 46 Налогового кодекса. Изложенное согласуется с правовой позицией, выраженной в пункте 19 Обзора судебной практики по вопросам,

связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.12.2016).

[Определение ВС РФ от 23.03.2021 №305-ЭС20-16189](#)

При рассмотрении вопроса о признании недействительным решения ИНФС об исключении организации из ЕГРЮЛ по причине неосуществления деятельности, суду необходимо оценить, имеются ли доказательства, подтверждающие фактическое осуществление деятельности такой организацией. Если будет установлено, что исключённый контрагент должника продолжает деятельность, и размер неисполненного обязательства такого контрагента не установлен в судебном порядке, отказ в признании решения ИНФС об исключении такого контрагента из ЕГРЮЛ, как недействующего юридического лица, приведет к невозможности возврата денежных средств в конкурсную массу, а также невозможности применения в должной мере альтернативных механизмов удовлетворения требований кредиторов должника.

Трест обратился в суд с заявлением к инспекции о признании недействительным решения об исключении общества из ЕГРЮЛ, а также просило обязать исключить из ЕГРЮЛ запись от 21.06.2019 за государственным регистрационным номером 8197747145368 о прекращении деятельности Общества; обязать устранить нарушения прав и законных интересов заявителя.

Судами первой и апелляционной инстанции в удовлетворении требований отказано.

Трест обратился в Верховный Суд Российской Федерации с кассационной жалобой.

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 16.02.2021 № 305-ЭС20-16189 жалоба вместе с делом № А40-170552/2019 Арбитражного суда города Москвы переданы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 30.11.2018 по делу № А40-164343/2017 Трест признан несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство.

Трест (заказчик) и Общество (исполнитель) 25.02.2016 заключили договор № 102.

Во исполнение условий договора Заказчик уплатил 2 720 000 рублей аванса.

В нарушение условий договора исполнитель не оказал услуги, денежные средства не возвратил, что послужило основанием для обращения 14.03.2019 Трест в арбитражный суд с иском к Обществу о взыскании 2 856 000 рублей. (дело № А40-64191/2019).

Инспекцией 11.10.2017 в отношении Общества в ЕГРЮЛ внесена запись о недостоверности сведений об адресе данного юридического лица, а 04.03.2019 принято решение № 38285 о предстоящем исключении Общества из ЕГРЮЛ как фактически недействующего юридического лица; сведения о предстоящем исключении были опубликованы в Вестнике государственной регистрации.

Полагая вышеуказанное решение налогового органа незаконным, Трест обратился в арбитражный суд с соответствующими требованиями.

Суды отказали в удовлетворении требований, признав правомерными действия Инспекции.

Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ пришла к выводу, что судебные акты суда первой и апелляционной инстанции подлежат отмене, а дело – направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 06.12.2011 № 26-П, в определениях от 17.01.2012 № 143-О-О и от 17.06.2013 № 994-О, такое правовое регулирование направлено на обеспечение достоверности сведений, содержащихся в ЕГРЮЛ (в том числе о прекращении деятельности юридического лица), поддержание доверия к этим сведениям со стороны третьих лиц, предотвращение недобросовестного использования фактически недействующих юридических лиц и тем самым – на обеспечение стабильности гражданского оборота.

В соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 18.05.2015 № 10-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 21.1 Закона № 129-ФЗ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Отделсервис» решение о предстоящем исключении юридического лица из ЕГРЮЛ должно приниматься с учетом предусмотренных пунктами 3 и 4 данной статьи гарантий, направленных на защиту кредиторов и иных лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются таким исключением. Так, решение о предстоящем исключении должно быть опубликовано в органах печати, в которых публикуются данные о государственной регистрации юридического лица, в течение трех дней с момента принятия такого решения; одновременно с решением о предстоящем исключении должны быть опубликованы сведения о порядке и сроках направления заявлений недействующим юридическим лицом, кредиторами или иными лицами, чьи права и законные интересы затрагиваются в связи с исключением недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ, с указанием адреса, по которому могут быть направлены заявления; заявления могут быть направлены в срок не позднее чем три месяца со дня опубликования решения о предстоящем исключении; в случае направления заявлений решение об исключении недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ не принимается и такое юридическое лицо может быть ликвидировано в установленном гражданским законодательством порядке.

Указанные гарантии в части возможности предъявления регистрирующему органу возражений относительно предстоящего исключения юридического лица (как фактически недействующего) из ЕГРЮЛ направлены на выявление лиц, заинтересованных в сохранении правоспособности должника и защите своих прав и законных интересов в судебном порядке, а в части судебного обжалования исключения – на обеспечение возможности восстановления регистрационного учета по обращению этих лиц на основании решения суда.

В соответствии с пунктом 8 статьи 22 Закона № 129-ФЗ исключение недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ может быть обжаловано кредиторами или иными лицами, чьи права и законные интересы затрагиваются этим актом, в течение года со дня, когда они узнали или должны были узнать о нарушении своих прав.

Закрепленное Конституцией Российской Федерации право каждого на судебную защиту (статья 46) выступает гарантией реализации всех других конституционных прав и свобод, носит универсальный характер, и силу статьи 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, ограничению не подлежит.

Из системного толкования указанных выше правовых норм и разъяснений следует, что наличие предусмотренных в статье 21.1 Закона № 129-ФЗ условий для исключения юридического лица из ЕГРЮЛ само по себе не может являться безусловным основанием для принятия такого решения, которое может быть принято только при фактическом прекращении деятельности хозяйствующего субъекта.

14.03.2019 Трест обратился в Арбитражный суд города Москвы (дело № А40-64191/2019) с иском к Обществу о взыскании неосновательного обогащения и неустойки.

Определением Арбитражного суда города Москвы от 18.03.2019 исковое заявление принято к производству (дело № А40-64191/2019).

В судебных заседаниях 14.05.2019, 02.07.2019 интересы Общества представляли представители по доверенностям, которые давали объяснения по делу, представили суду отзыв и письменные пояснения.

В судебном заседании 02.07.2019, то есть после вынесения Инспекцией 21.06.2019 решения о прекращении деятельности Общества, представитель последнего представил суду доказательства, в отношении которых у Треста возникли сомнения в их достоверности, в связи с чем протокольным определением суд обязал Общество представить подлинные документы, указанные в заявлении о фальсификации, и соответствующие пояснения по поводу исключения данных документов из числа доказательств.

Таким образом, процессуальное поведение Общества, от имени которого действовали уполномоченные лица (пункт 3 статьи 53 Гражданского кодекса), не давало Тресту оснований полагать, что

юридическое лицо фактически прекратило свою деятельность и исключено из ЕГРЮЛ в административном (внесудебном) порядке.

Трест после вынесения Инспекцией 21.06.2019 решения об исключении Общества из ЕГРЮЛ на основании подпункта «б» пункта 5 статьи 21.1 Закона № 129-ФЗ воспользовался предоставленным законом правом на защиту своих интересов путем инициирования настоящего судебного процесса.

Судебными инстанциями не учтено, что на момент вынесения Инспекцией оспариваемого решения Общество имело гражданско-правовые обязательства перед Трестом, размер которых устанавливался в ходе рассмотрения дела № А40-64191/2019. Трест находится в процедуре банкротства; конкурсное производство до настоящего времени не завершено; единственным способом удовлетворения требований кредиторов, по утверждению заявителя, является взыскание дебиторской задолженности.

В рассматриваемом случае принятие регистрирующим органом решения об исключении Общества из ЕГРЮЛ предопределяет прекращение производства по делу № А40-64191/2019 о взыскании долга, что негарантирует эффективную защиту прав заявителя как кредитора Общества.

Ссылка судов на пункт 39 постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», в котором указано на возможность взыскателя, не получившего исполнения по исполнительному документу, обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица, в данном случае не может быть принята, поскольку размер требований Треста к Обществу судебным актом не установлен, а исполнительный документ не получен и не будет получен после прекращения производства по делу № А40-64191/2019.

Исключение юридического лица из ЕГРЮЛ по решению Инспекции, в силу статьи 21.1 Закона № 129-ФЗ, само по себе не является достаточным основанием для привлечения лиц, указанных в пунктах 1-3 статьи

53.1 Гражданского кодекса, к субсидиарной ответственности, ввиду того, что, согласно указанной норме, одним из условий удовлетворения требования кредиторов является установление того обстоятельства, что долг возник в результате неразумности и недобросовестности лиц, указанных в названной статье Гражданского кодекса.